

Сергей Шиндин

**«Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет
«Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д***

Какой свободой вы располагали,

Какие вы поставили мне вехи...

О. Мандельштам. «К немецкой речи»

Вместо предисловия

Строго говоря, положения, изложенные во вступлении к первой части данного комментария, не нуждаются ни в каких принципиальных дополнениях¹. Необходимо лишь особо подчеркнуть то обстоятельство, что оправдались самые худшие ожидания и абсолютное большинство статей вышло из печати в своих первоначальных вариантах, без дополнительной авторской редакции и без следов какой-либо работы редакционной коллегии с ними (за исключением неоднократно упоминавшейся новаторской «оптимизации» системы библиографических ссылок при цитировании и составлении списков литературы, вплоть до отсутствия какой бы то ни было системы). Трудно сказать, чем объясняется подобная пассивность авторов – равнодушием к конечному результату собственных трудов, все расширяющимися сферами той научной деятельности, которые контролируются полным непрофессионализмом, или неверием в успешное завершение проекта, но можно безоговорочно констатировать, что

* Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., илл.

¹ Настоящие заметки являются продолжением публикации: «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. При цитировании большинство традиционных для «энциклопедического стиля» сокращенных форм написания заменено на общеупотребительные, а библиографические ссылки приведены в соответствии с принятыми в настоящее время стандартами. Все цитаты из произведений О.М. даны в тексте курсивом с указанием тома и страницы по использовавшемуся в МЭ изданию: *Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994; Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997.*

увидевшее свет издание «Мандельштамовской энциклопедии» (далее – МЭ) большей своей частью отражает главные направления, состояние и достижения мандельштамоведения на момент осени 2008 года. Остается только надеяться, что обещанное второе издание энциклопедии станет реальным шагом вперед на целое десятилетие и выполнит первоначально отводившиеся ему функции в изучении биографии и творческого наследия Мандельштама (далее – О.М.).

Под литерой «А»...

Дополняя в предыдущей публикации статью «**Адамович Г.В.**» (О.А. Коростелев), автор этих строк упустил то обстоятельство, что одно из проходивших дома у Адамовича заседаний «Цеха поэтов» упоминается 20.12.1916 в письме О.М. А.Л. Вольнскому: *Если только у Вас не прошла охота посетить наш скромный «Цех», приходите в пятницу 9 дек<абря> к Адамовичу (Георгию Викторовичу), на Верейскую, 4, в 8 ч. в<ечера> (4, 24)*. Неупомянутым осталось приводимое Р.Д. Тименчиком в статье «Ахматова А.А.» замечание, высказанное Адамовичем в связи с «Поэмой без героя»: «Эпиграф из стихотворения “В Петербурге мы сойдемся снова...” к третьей главе появился в редакции 1962 г. <...> – предсказанный или подсказанный Г.В. Адамовичем в отзыве на первую публикацию ранней редакции поэмы: “Ахматова, например, вспоминает дореволюционный Петербург. Думаю, что все этот Петербург помнящие, связаны круговой порукой, тем, что магически выражено в стихотворении Осипа Мандельштама: “В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем...” (Адамович Г.В. Подарок Пастернаку. Альманах “Воздушные мосты” <sic!> // Новое русское слово. 1959. 6 декабря» (с. 9, стб. 2). Кроме того, в более общем библиографическом плане можно сказать, что в МЭ целесообразно было бы использовать последние издания критических работ Адамовича «Литературные беседы. Книги 1, 2» (2002, 2007) и «Литературные беседы. Книги I, II» (2016).

Публикация «**Андроникова С.Н.**» (С.Ф. Данилова) представляет собой уникальный для МЭ случай, когда исключение из статьи прямых библиографических указаний можно считать откровенной удачей автора². Именно по этой причине

² Рецензенту в этом отношении не так повезло: в его статье «Кант И.» (первоначальная редакция которой входила в состав «предварительного» издания: О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007) перенесенные из текста в список литературы ссылки на прямые цитаты (порой не имеющие непосредственного отношения к О.М.) отчасти лишили смысла первый и полностью – второй. Стремясь

читатель не узнает, насколько в качестве источника информации важно для данного материала включенное в пристатейный список литературы «метамемуарное» свидетельство Э.В. Лимонова «Красавица, вдохновлявшая поэта». Не касаясь вопроса о степени корректности появления подобного рода источника информации в издании, претендующем на энциклопедический статус, невозможно исключить сомнения не только в достоверности «ретранслируемых» им свидетельств современницы О.М., но и в реальности самого факта ее диалога с «метамемуаристом»; в любом случае, речь может идти не об относящемся к жанру мемуаров тексте, а о литературном произведении³ (рассмотрение качеств которого в задачу рецензента никак не входит). И совершенно невозможно представить, какие основания могли бы заставить исследователя безо всякого комментария воспользоваться цитатами, прямо и однозначно характеризующими Андроникову именно так, как захотелось ее увидеть «метамемуаристу»: «в рассказе Лимонова она так вспоминает О.М.: “Неопрятный, скорее мрачный молодой человек, плюгавый и некрасивый. [...] Я бы не взяла его в любовники”», однако и стихотворение О.М. не было ею оценено по достоинству: “ – Поэт, – вздыхает Саломея Николаевна, – воображение. Стихотворение пустынное, но в нем божественная музыка”; <...> – Некрасивый маленький еврей...” Старуха пожалала плечами» (с. 74).

Из частных авторских упущений необходимо назвать отсутствие упоминания о существовании биографического комментария Андрониковой к написанию О.М. осенью 1916 года стихотворения «Я потеряла нежную камю...», а также о ее участии в 1919 году в редакционной коллегии тифлисского журнала «Орион», в шестом, отчасти компенсировать эти потери, автор данных строк включил исправленный и несколько расширенный вариант статьи о Канте в приложение к настоящей публикации.

³ Ср.: *Жолковский А.* Лимонов на литературных олимпиадах (Лимонов/Мандельштам) // *Миры Осипа Мандельштама. IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь.* – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009. – Тем не менее, «мемуарист» выступает в качестве «источника информации» и в расширенном варианте публикации; см.: *Данилова С.Ф.* Осип Мандельштам и его современники: Саломея Андроникова (опыт энциклопедической статьи) // *Весна науки–2013: Материалы межвузовской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов «Современные проблемы гуманитарных наук».* – СПб.: Общество «Знание»; Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2013. Вместе с тем, более достойным внимания мог бы стать, например, краткий но исключительно емкий комментарий, сопровождаемый подробной библиографией: *Меньшова И.А.* Комментарии // *Судейкина В.А.* Дневник: 1917–1919 (Петроград – Крым – Тифлис) / Подгот. текста и коммент. И.А. Меньшовой. – М.: Русский путь; Книжница, 2006. С. 615–616.

сентябрьском номере которого было впервые опубликовано мандельштамовское стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...». Вероятно, нелишним стало бы и указание на обширную «иконографию» одной из «европеянок нежных», в полной мере отражающей ту роль, которую Андроникова играла в литературно-художественной среде Петербурга середины 1910-х годов. В то же время, обращаясь к комментируемой статье, невозможно избежать традиционного удивления по поводу ее «библиографического наполнения». Трудно сказать, по какой причине автор уклонился от упоминания энциклопедической публикации: *Шруба М.* Андрониковой салон // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004, – тем более что там (с. 22) содержится принадлежащая Георгию Иванову характеристика «салона» Андрониковой, где «царил <...> кн. Волконский <...> и на совершенно равной ноге с ним О. Мандельштам»⁴. Явно заслуживали хотя бы упоминания в пристатейной библиографии и некоторые публикации: *Гаспаров М.Л.* «Соломинка» Мандельштама: генезис стихов-«двойчаток» // *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Том IV: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. – М.: Языки славянской культуры, 2012; *Мусатов В.В.* Лирика О. Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000. С. 165–172; *Панова Л.* «Уворованная» Соломинка: К литературным прототипам любовной лирики Осипа Мандельштама // *Вопросы литературы.* 2009. № 6 и др. В такой связи понятным становится «анонимное» авторское указание тот факт, что основой для одного из самых известных мандельштамовских интекстов послужило «стихотворение Ахматовой <...>: “Как соломинкой, пьешь мою душу...” – ср. у О.М.: “...соломинка сухая, / Всю смерть ты выпила...”» (с. 74, стб. 2). Вместе с тем, вряд ли оправданным можно считать оставленный без внимания комментарий Н.И. Харджиева: «Источник этого образа – трагическая буффонада Хлебникова “Ошибка смерти”, изданная в ноябре 1916 г.: двенадцать посетителей “Харчевни веселых мертвецов” пьют через соломинку из “кубка смерти”. Это произведение Хлебникова Мандельштам упоминает в статье “Буря и натиск”»⁵.

⁴ Письмо В. Маркову (11.6. 1957); см.: *Ivanov G., Odoevceva I.* Briefe an Vladimir Markov 1955–1958. – Köln; Weimar: Hrsg. H. Rothe, 1994. S. 70. М. Шруба предлагает видеть в упоминаемом лице князя П.П. Волконского, хотя, думается, речь все-таки идет о кн. Сергее Волконском.

⁵ *Харджиев Н.И.* Примечания // Мандельштам О. Стихотворения / Сост. и примеч. Н.И. Харджиева. 2-е изд. – Л.: Советский писатель, 1978. С. 272.

Под литерой «Б»...

Как стало известно рецензенту уже после выхода в свет первой части настоящих заметок, он, как и абсолютное большинство читателей МЭ, был введен в заблуждение беспрецедентной редакционной бестактностью: в реальности соавтором И.Е. Лощилова при написании статьи «**Бабель И.Э.**» оказался Г.М. Фрейдин. Как следствие, и содержащееся в комментариях библиографическое дополнение выглядит совершенно нелепо, тем более что, во-первых, автору упоминаемой журнальной статьи «Сидели два нищих, или Как делалась русская еврейская литература: Бабель и Мандельштам» после 2008 года отредактировать свой текст не удалось и, во-вторых, расширенный вариант этой публикации вошел в издание: Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г. – М.: Книжники; Литературный музей, 2016.

Вероятно, если бы статья «**Бартель М.**» (А.Т. Никитаев) редактировалась непосредственно перед сдачей в печать, в ней были бы учтены две относительно недавних публикации А.В. Бассель – «Кулак и длань. О переводах Осипа Мандельштама из Макса Бартеля» (Новый филологический вестник. 2015. № 3) и, особенно, «“Petersburg” Макса Бартеля и “Петербург” Осипа Мандельштама» (Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 4), где автор, в частности, указывает на эпистолярное общение немецкого поэта с К.Б. Радеком, ставшее явным импульсом и прямым источником анализируемого стихотворения⁶.

Содержательную статью «**Бернштейн С.И.**» (С.И. Ивич-Богатырева) назвать «мандельштамоцентричной» невозможно ни при каких условиях и допущениях: от первого до последнего слова она посвящена только ее герою. При этом хотя объем публикации вполне оправданно оставляет ощущение несколько превышенного (прежде

⁶ Попутно автор этих строк решает напомнить высказанное им в свое время осторожное предположение о том, что мандельштамовский перевод стихотворения Бартеля «Неизвестному солдату», включенный в сборник «Завоеюем мир!» (М.; Л., 1925), может служить отправной точкой для некоторых сопоставлений, связанных с личностью Гумилева. Своей безусловной эмоциональной выразительностью и поэтической достоверностью этот текст заметно отличается от других стихов книги, что дает основания предположить его особую значимость для О.М.; вероятно, исходный вариант стал для него ощутимым творческим импульсом, позволившим воплотить некоторые художественные возможности, в силу определенных причин нереализуемые в собственной поэтической практике; см.: Шиндин С.Г. Мандельштам и Гумилев: о некоторых аспектах темы // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992.

всего вследствие излишних подробностей о научной и личной биографии Бернштейна), пристатейный список рекомендуемой литературы никак не должны были миновать работы, составляющие первый раздел относительно недавнего издания: Живое слово: логос – голос – движение – жест: Сборник статей и материалов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. В такой ситуации прежде всего, конечно, должна была учитываться публикация самого автора комментируемой статьи – информационно насыщенные и, в частности, связанные с личностью О.М. «Страницы биографии Сергея Бернштейна (по материалам семейного архива)»⁷. Вместе с тем, вероятно, нелишним было бы указание на участие Бернштейна в деятельности Московского лингвистического кружка, в рецензируемом издании ставшего объектом отдельного описания.

Двойственное впечатление производит статья «**“Бродячая собака”**» (В.В. Калмыкова), в первую очередь из-за остающегося после знакомства с нею ощущения известной поверхностности, неконкретности. Так, утверждение автора о том, что О.М. «сразу же стал завсегдатаем кабаре, а с осени 1912, поселившись в Петербурге, начал бывать здесь постоянно» (с. 138) вполне можно было бы проиллюстрировать не слишком отстоящим во времени от этих событий свидетельством В. Пяста, относящимся и к другим современникам поэта: ««акмеисты: то есть Ахматова, Гумилев, Мандельштам, – и потом так называемые “мальчики” из Цеха поэтов, – Георгий Иванов, Георгий Адамович; потом другие “примыкавшие” – будущие ученые, как-то: В. Гиппиус, В. Жирмунский, – и сколько еще других! – одни чаще, другие – реже, – но все отдавали дань “Бродячей Собаке”»⁸. Вместе с тем, целесообразным и оправданным кажется присутствие в статье не выборочного, а максимально полного перечня всех известных мероприятий, в которых О.М. в той или иной форме принимал участие.

В то же время, определенная часть присутствующей в статье информации кажется совершенно излишней (тем более что она может быть объективно отнесена к числу общеизвестной) – как, например: «Основой эстетики “Бродячей собаки” были

⁷ И, кроме того, в библиографической ссылке, в отличие от варианта в МЭ (с. 122, стб. 2), содержащие верные инициалы одного из ее «героев» – Ю.И. Левина. – В это же издание включено небольшое аналитическое исследование Д.О. Торшилова «“Письмо, написанное в сердцах” в теории слова Андрея Белого и в стихах О. Мандельштама на его смерть», явно заслуживающее внимания, но не нашедшее себе места в списке литературы в статье «Белый А.» (В.В. Калмыкова).

⁸ *Пяст В.* (Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тищенко. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 169. – Некоторые соображения по поводу данной темы непосредственно в связи с О.М. содержатся в публикации рецензента: Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 59. С. 48–53.

экспромты. Программно противопоставление артистической публики и “улицы”, далекой от искусства. Обычные посетители, не принадлежавшие миру искусства, назывались здесь “фармацевтами” и платили за вход от 3 до 25 рублей. <...> Однако конфликт “художника” и “среды” носил отчасти игровой характер», – или: «Отчеты о мероприятиях, проходивших в кабаре, регулярно публиковались в прессе» (с. 138, стб. 1). Далее в материалах содержится указание на следующий факт: «В “Бродячей собаке” происходили значительные культурные события – поэтические выступления <...>, танцевальные вечера, спектакли, научные доклады (напр., В.Б. Шкловского, Н.И. Кульбина, И.М. Зданевича и др.)» (с. 138, стб. 1)⁹. Думается, последние два выступления никак нельзя отнести к категории «научных докладов», как и, в частности, оставшееся неупомянутым сообщение Г.Б. Якулова «Естественный свет (архаический солнечный), искусственный свет (современный электрический)», которое он сделал 30.12.1913 (см. с. 572, стб. 2). И, конечно же, труднообъяснимо отсутствие в списке литературы ссылок на целый ряд публикаций, в первую очередь, справочного характера: *Шруба М.* «Бродячая собака» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004; *Тихвинская Л.И.* Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. – М.: Молодая гвардия, 2005. С. 112–155 и др.¹⁰

⁹ Если дальнейшее перечисление, представляющееся столь же малооправданным, все-таки принимать, то его невозможно считать «адекватным» без упоминания одного из важнейших компонентов в «культуртрегерской» деятельности «Бродячей собаки» – визитов в нее самых разнообразных представителей западноевропейской культурной среды: от П. Фора и Ф.Т. Маринетти до Б. Сандрара и Макса Линдера. Об этой особенности как отличительной черте «кабаре» упоминает в своих записях и Ахматова: «В “Соб<аке>” бывали заезжие иностран<цы> – Paul Fort, Marinetti» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. – М.; Torino: Giulio Einaudi editori, 1996. С. 556). Ей же принадлежит еще более важное в реконструируемом контексте свидетельство, прямо относящееся к О.М.: «Помню Осипа, когда чествовали Поля Фора» (РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 76. Л. 2; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама* / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева и др. / 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016. С. 77).

¹⁰ Из частных моментов, вызывающих сомнение в их допустимости в «академическом» издании, можно назвать «стилистическую легкость» данного текста, проявляющуюся в определенной «художественности» некоторых его фрагментов, напр.: «В “Бродячей собаке” отмечались юбилеи, проходили всевозможные праздники. У входа лежала огромная, переплетенная в синюю кожу “Свиная книга”, в которой делались записи (в т. ч. О.М.)», «В “Бродячей собаке” он был действительно “у себя”, принимал участие в поэтических вечерах и спектаклях и даже пытался петь» (с. 138, стб. 1) и т.п.

Вся эксплицитная «мандельштамоцентричность» заметки «**Бруни Н.А.**» (П.М. Нерлер), вместе с фотопортретом занимающей ровно одну колонку, сводится к единственной фразе: «Под своим именем (“отец Николай Бруни”) Бруни выведен в повести О.М. “Египетская марка” (1928, писалась в 1927)» (с. 140, стб. 1)¹¹. Разумеется, внимательный читатель путем несложных сопоставлений самостоятельно соотнесет ряд эпизодов из подробного жизнеописания этого героя с мандельштамовской биографией, но при этом окажется, что пропущенным остается, например, факт совместного участия современников в неоднократно упоминавшемся литературно-художественном кружке «Квартира № 5»¹². Но и не все приводимые биографические параллели даны в исчерпывающей форме: так, в частности, в публикации констатируется тот факт, что Бруни «входил в первый Цех поэтов» (с. 140, стб. 1), но не отмечается то обстоятельство, что именно у него дома в конце сентября – начале октября 1914 года состоялось одно из последних собраний «Цеха поэтов», о котором Ахматова вспоминала: «Последнее собрание, которое я помню, было уже когда война началась – было у Бруни в Академии Художеств»¹³. С учетом отмеченного присутствия образа Бруни в художественном мире О.М. вряд ли хоть под каким-то предлогом было допустимо игнорировать случаи его появления в публикации: *Лекманов О., Котова М., Репина О. и др.* Пояснения для читателя // *Мандельштам О.* Египетская марка: Пояснения для читателей / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина и др. – М.: ОГИ, 2012. С. 170–172, 179, 389, – тем более что содержащийся там развернутый комментарий исключительно важен в реконструируемом контексте. Не менее актуально для данного семантического пространства предположение, высказанное О.А. Лекмановым в связи с поездкой в конце декабря 1914 года О.М. в Варшаву, где он

¹¹ Точно такими же «структурно-семиотическими» признаками обладает, например, публикация «Государственный литературный музей»; из составляющей ее колонки читатель применительно к теме энциклопедии (впрочем, и это – с большим сомнением) узнает лишь следующее: «В 1991, год 100-летия со дня рождения О.М., в Государственном литературном музее состоялась первая в мире выставка, посвященная жизни и творчеству О.М. 125-летний юбилей поэта Государственный литературный музей также отметил выставкой под названием “Осип Мандельштам: Я скажу тебе с последней прямокой...”» (с. 200). При этом заметка осталась без упоминания о несостоявшейся в феврале 1932 года попытке О.М. «содействовать комплектованию музейного собрания» (с. 132, стб. 2), нашедшей свое детальное отражение в публикации С.В. Шумихина «Бонч-Бруевич В.Д.».

¹² См.: *Шруба М.* «Квартира № 5» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 70.

¹³ *Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Том I: 1924–1925. – Paris: YMCA-Press, 1991. С. 196.

«надеялся получить место военного санитаря (может быть, побудительным мотивом к этому шагу послужило опубликование в декабрьском номере “Нового журнала для всех” за 1914 год “Записок санитаря-добровольца” еще одного участника “Цеха” – Николая Бруни)»¹⁴. Строго говоря, заметка относится к числу тех биографически ориентированных материалов, которые в представленной форме не имеют к МЭ совершенно никакого отношения. Но, вместе с тем, без объяснения причин в ней осталась неупомянутой единственная, кажется, публикация на эту тему: *Нерлер П.М. Авиатор, священник, поэт... (Николай Бруни) // Нерлер П. Соп амоге: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Состоящая из девяти строк реплика «**Булгаков С.Н.**» (О.Г. Самсонова) в ее «мандельштамоцентрическом» устремлении целиком сводится лишь к констатации того факта, что «Н.Я. Мандельштам отмечала булгаковский подтекст идеи О.М. о чуждости друг другу актерского и поэтического творчества» (с. 150, стб. 1). В действительности данное утверждение не имеет под собой никаких реальных оснований. В «полиграфическом» варианте МЭ оно представлено без указания на какие бы то ни было источники; насколько можно судить по редакции 2008 года, в качестве единственного из них выступили мемуары вдовы поэта, а именно подглавка «Два полюса» – третья в составе «раздела» «Стихи и люди»¹⁵. В ней говорится о том эпизоде, когда О.М. «назвал профессию, которую считал противоположной своей»: по свидетельству Н.Я. Мандельштам, он рассматривал актера как антипода поэта, и, согласно ее же интерпретации (именно интерпретации), «противопоставляя актерский и поэтический труд, Мандельштам прежде всего имел ввиду отношение к слову, к поэзии, к стихам. Актерское чтение стихов Мандельштам называл “свинным рылом декламации”»¹⁶. После этого утверждения, не требующего никаких доказательств, следует развернутый фрагмент уже не мемуарного характера, где автор рассматривает

¹⁴ *Лекманов О.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. – М.: АСТ, 2015. С. 90.

¹⁵ Во всяком случае, присутствующую в рабочем варианте заметки сокращенную ссылку «Н. Мандельштам-2. С. 261», очевидно, следует понимать как «импликацию» известного издания: *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга / Подгот. текста, примеч. К.М. Поливанова. – М.: Московский рабочий, 1990.

¹⁶ *Мандельштам Н.* Вторая книга // *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 27, 329; несколько подробнее об этом см.: *Шиндин С.* Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 301–302.

принципиальное различие театрального и литературного творчества, заключающееся в противоположном характере их коммуникативных координат. В соответствии с точкой зрения Н.Я. Мандельштам, его основу составляют «отношения между актером и публикой и между поэтом и читателем. Актер играет для зрительного зала. Он должен увлечь его за собой, заразить его чувствами – не своими, а того, кого он играет. Отец Сергей Булгаков говорит, что актер “провоцирует” чувства зрителей. Поэт, как писал Мандельштам в письме к отцу, работает “для себя”, а читатель принимает или отвергает его труд. <...> Поэт, конечно, связан со своими современниками, как всякий человек, но эта связь совсем иная, чем у актера, увлекающего за собой публику. Поэт не ведет за собой современников, но всегда знает, что см является их отражением»¹⁷. Спорный характер такого утверждения в данном случае неактуален; важнее то обстоятельство, что присутствующее в рассматриваемом контексте имя философа не имеет прямого отношения к О.М. и, следовательно, к характерному для него противопоставлению поэтического и театрального искусства. Вследствие этого неизбежно приходится признать, что названные обстоятельства лишают опубликованную заметку всякого смысла и подтверждают абсолютную правоту двух участников редакционной коллегии, еще на раннем этапе работы над проектом категорически возражавших против ее публикации.

Вместе с тем, обращение к данному частному факту выводит на первый план более чем серьезную проблему, далеко выходящую за рамки рецензируемого издания, – вопрос о мандельштамовском освоении отечественной философско-религиозной традиции начала XX века. Есть основания утверждать, что, практически, весь корпус «мандельштамоцентричных» материалов, так или иначе связанных с данным фрагментом общественной мысли России 1910–1920-х годов, во многом носит

¹⁷ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 332. – Комментируя этот фрагмент, С.В. Василенко и П.М. Нерлер приводят бесспорный источник – статью Булгакова «Русская трагедия»; см.: *Василенко С.В., Нерлер П.М. Комментарии // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 647. – Булгаковская статья с подзаголовком «О “Бесах” Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском Художественном театре» и с пометой «Читано в Московском Религиозно-философском обществе 2 февраля 1914 г.» была опубликована в IV книге журнала «Русская мысль» за 1914 год, и там же размещалась представлявшая собой ответ на нее статья Вяч.И. Иванова «Основной миф в романе “Бесы”». Оба текста оказались включенными в происходившую в тот момент широкую откровенно полемическую дискуссию о состоявшейся 23.10.1913 в Московском Художественном театре премьере постановки «Николай Ставрогин».*

искусственный характер. Формирование этой мировоззренческой парадигмы было откровенно и целиком продиктовано личными приоритетами Н.Я. Мандельштам, отразившимися в ее «Воспоминаниях» и, особенно, во «Второй книге». Имя С.Н. Булгакова, например, 7 раз встречается именно в ней, там же 5 раз и однажды в «Воспоминаниях» упоминается П.А. Флоренский; неоднократно в разных контекстах возникают имена С.Н. Трубецкого, С.Л. Франка и других представителей русской философско-религиозной мысли. Но, конечно, абсолютного предела в этом отношении достигает трудно поддающееся исчислению количество появлений имени Н.А. Бердяева, в обоих томах мемуаров приближающееся к 40 случаям. Исключительный интерес в 1960–1970-е годы Н.Я. Мандельштам к философскому наследию представителей данного направления общеизвестен, но сомнения в своей мотивированности и оправданности вызывает все усиливающаяся тенденция распространения его и на мировоззрение и творчество О.М. Причем происходит это чаще всего в форме простой констатации, не подкрепляемой совершенно никакими аргументами, как, например, в относительно недавнем предисловии к одному из томов собрания сочинений вдовы поэта: «Известно, что, работая над “Воспоминаниями”, Н.Я. [Мандельштам], затвердившая наизусть практически все стихи и основную прозу О.М., перечитала читанные им и явно повлиявшие на его мирозерцание книги – “Столп и утверждение истины” о. Павла Флоренского, Владимира Соловьева, Бердяева, о. Сергея Булгакова»¹⁸.

¹⁸ *Фрейдин Ю.* Смыслы и цели отчаявшейся Надежды (Надежда Яковлевна Мандельштам – ее книги и жизнь после них) // *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 14. Что является основанием для безапелляционной формы такого серьезного утверждения, остается неизвестным. – Совсем удаляясь от тематических координат МЭ, можно предположить, что одной из главных мотиваций подобного внимания вдовы поэта к личности Бердяева и его философскому наследию стала та роль, которую отводила в «иерархии» «Серебряного века» этой фигуре Ахматова. Так, в частности, в своих черновых набросках «Маскарад. Новогодняя чертовня» 6–7 января 1962 года (очевидно, вскоре после чтения воспоминаний своего современника) она не только дает ему исчерпывающую для данного контекста характеристику, но непосредственно сопоставляет ее с упоминанием О.М.: «Ужас в том, что на этом маскараде были “все”. Отказа никто не прислал. И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам (“Пепел на левом плече”), <...> и будущий историк и гениальный истолкователь десятых годов Бердяев» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 207). А вскоре (вероятно, в марте) появляется более частная и более конкретная запись (с. 152–153): «М.б., никто так глубоко не понял и так тонко и верно не изобразил Вяч<еслава> Иванова, как Б<ердяев>, но говорит о нем с точки зрения

современника и не поэта. (Вообще удивительно, как поэзия чужда этому необыкновенному человеку.)». Основываясь на лаконичных записях (с. 237, 259), с известной долей осторожности можно предположить, что осенью того же 1962 года Ахматова не исключала появления имени Бердяева в своих мемуарных заметках.

В качестве прямой мотивации формирования этого семантического комплекса, вероятнее всего, выступало высказывание Сергея Маковского, содержащееся в предисловии к первому изданию его мемуаров, само название которых основывалось на данном «термине»: «Томление духа, стремление к “запредельному” пронизало наш век, “Серебряный век” (так называл его Бердяев, противопоставляя пушкинскому – “Золотому”)» (*Маковский С.К.* На Парнасе Серебряного века. – М: Наш дом – L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 10). Впервые эта книга увидела свет именно в 1962 году, о котором идет речь: *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». – Мюнхен: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. Какова бы ни была реальная ситуация, можно с уверенностью утверждать, что основанием для заглавия книги Маковского в глазах читателей стала именно декларируемая им метафорическая характеристика, принадлежавшая Бердяеву (вне зависимости от того, существовала ли она в реальности, присутствовала в художественной среде 1910-х годов на правах легенды или явилась ошибкой или даже вымыслом автора мемуаров). Соответственно, оправданным окажется утверждение о том, что именно Маковский в ситуации стремительно возрастающего в самом начале 1960-х годов интереса к наиболее ярким проявлениям самых разных видов искусств первого десятилетия XX века актуализировал, если не сказать ввел в оборот метафорическое определение этого периода отечественной культурной традиции, навсегда связав эту метафорическую «дефиницию» с именем Бердяева. Случаи бытования подобной точки зрения в современной науке весьма многочисленны; см. лишь один совершенно произвольный пример: «обозначение периода с конца 90-х годов до 1917 года наименованием “Серебряный век” принадлежит Н. Бердяеву, давшему в книге “Самопознание” глубокий социально-психологический анализ ситуации в России на рубеже XIX– XX веков» (*Кольцова И.В.* Творческие объединения в России рубежа XIX–XX веков и их роль в культурно-исторической жизни российского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 131. С. 262). Сам же термин последовательно расширял свои семантические границы и со временем вышел за пределы собственно «литературного пространства», как, например, в полемическом аспекте статьи В. Вейдле 1974 года с более чем характерным названием; см.: *Вейдле В.* Русская философия и русский «серебряный век» // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сборник статей. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1975. С. 69.

Более чем симптоматичным представляется тот факт, что в реконструируемом контексте Н.А. Богомоллов опосредованно соединяет упоминания Бердяева и Маковского именно в связи с Ахматовой: «Как бы критически мы ни относились к понятию “серебряный век”, к его изобретателям, пропагандистам и мифологизаторам, не следует забывать, что “Самопознание” Н. Бердяева было открытием не только для редкого советского читателя, но даже и для Ахматовой, признававшейся в интимных записях, сколь значительной показалась ей эта книга; мемуары С. Маковского “На Парнасе серебряного века”, при всех недостатках этой книги, долгое время оставались одним из популярнейших источников знаний об эпохе» (*Богомоллов Н.А.* Серебряный век: Опыт рационализации понятия // *Богомоллов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. Вокруг «серебряного века»: Статьи и

Интересна в данном контексте беспристрастная оценка искусственного современника и «стороннего наблюдателя» известного голландского слависта К. Верхейла: «В 1967 году она часто говорила о своем понимании современной истории. Тут она опиралась на представления Н.А. Бердяева и С.Л. Франка, которыми восхищалась»¹⁹. В то же время, ряд мемуаристов зафиксировал в такой связи откровенно «культуртрегерские» устремления Н.Я. Мандельштам; ср., напр. относящееся к самой середине 1960-х годов свидетельство: «в начале нашего знакомства разговоры возникали в связи с моим и, как оказалось, ее увлечением русскими религиозными философами и мыслителями начала XX века – Бердяевым, Шестовым, Франком, книги которых тогда начали просачиваться к нам из-за кордона. Н.Я. [Мандельштам] тут же отдала мне книгу Бердяева “Смысл истории”, которую, судя по заметкам на полях и выделенным чернилами строкам, она изрядно проработала. Особенно близок Н.Я. [Мандельштам] был С.Л. Франк, книгу которого “С нами Бог” она вскоре мне подарила»²⁰. В условиях совершенно сознательного искусственного формирования подобной исследовательской перспективы невозможно игнорировать то обстоятельство, что эти имена ни разу не встречаются ни в собрании сочинений О.М.,

материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 15–16). Если допустить, что столь высокая ахматовская оценка личности философа формировалась под влиянием впечатления от его мемуаров, то появляются все основания предполагать, что именно она стала одним из основополагающих, если не главных, импульсов формирования подчеркнутого интереса к философскому наследию Бердяева у Н.Я. Мандельштам именно в этот период. Данный факт многократно отмечался и мемуаристами, и исследователями, сходящимися во мнении о том, что «важная черта меняющегося мировоззрения Надежды Мандельштам в шестидесятые годы – приобщение к православию и интенсивное освоение христианской литературы, чтение тех книг, которые знал и любил ее муж. В <...> письме к Ахматовой (декабрь 1961 года) она делает мечтательную заявку на написание книги “Русская философская школа. В. Соловьев. Теория нравственности и познания” и планирует прочесть “Столп и утверждение истины” о. П. Флоренского» (*Нечипорук Д.* «Переоценка ценностей»: Надежда Мандельштам как политический комментатор послесталинской эпохи // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 698). Но при этом показательно, что мандельштамовское знание «христианской литературы» и интерес к ней, постулируемые безо всякой аргументации, в рассматриваемом контексте внешне, эксплицитно никак не проявлялись.

¹⁹ *Верхейл К.* Н.Я. Мандельштам и ее голландский гость // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 527.

²⁰ *Мурина Е.* О том, что помню про Н.Я. Мандельштам // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015. С. 351

на которое опираются авторы МЭ, ни в реконструированном списке книг из личной библиотеки поэта²¹, ни в его жизнеописании и профессионально воссозданной биографии; лишь имя одного из них единственный раз мельком упоминается в мандельштамовских «трудах и днях» в ситуационно обоснованном контексте²². Вряд ли случайно сам О.М. в статье 1922 года «Девятнадцатый век» характеризовал современное ему богоискательство как *торжество новейшей теософии, которая не что иное, как буржуазная религия прогресса, религия аптекаря, <...> изготовляющаяся к дальнейшему плаванью и снабженная метафизическими снастями* (2, 269). В такой связи вполне законные сомнения вызывает обоснованность включения в состав МЭ статей, касающихся подобной проблематики («Булгаков С.Н.», «Бердяев Н.А.» и, особенно, «Флоренский П.А.»), о чем ранее также предупреждал один из самых деятельных участников редакционной коллегии²³.

И столь же сомнительным представляется содержащееся в статье **«Философские взгляды»** (О.Г. Самойлова) без указания каких-либо источников следующее утверждение: «В разное время внимание О.М. привлекали различные философы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч.И. Иванов, А.В. Карташев, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский» (с. 495, стб.1). Прежде всего, здесь необходимо отметить, что в процитированном фрагменте перечня тех, кто оказал влияние на формирование философских взглядов О.М., за исключением В.С. Соловьева остальные имена кажутся не совсем уместными. Если о Бердяеве, Булгакове и Флоренском об этом было сказано выше, то причисление поэта-символиста и, в известном смысле, теоретика литературы и историка античной культуры Вяч. Иванов, как и писателя, публициста, критика и мыслителя В.В. Розанова к философам не более оправданно, чем отнесение к ним богослова, историка православной церкви, церковного и общественного деятеля А.В. Карташева. Собственно говоря, и в дефиниции заметки-реплики **«Карташев А.В.»** (О.Г. Самойлова) ее герой определен лишь как «историк православной церкви, активный

²¹ См.: *Фрейдлин Ю.Л.* «Остаток книг»: Библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1991. С. 237–237.

²² Речь идет об эпизоде мандельштамовского обращения весной 1922 года к Бердяеву с просьбой об оказании помощи В. Хлебникову; см.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама..* С. 202–203.

²³ Вместе с тем, автор этих строк не может не указать на тот факт, что опубликованный в МЭ вариант его заметки о Бердяеве не является последним, имевшимся в распоряжении издателей, а потому считает возможным разместить соответствующий материал в приложении.

участник и в 1909–1917 председатель Российского философского общества» (с. 282, стб. 1)²⁴.

Под литерой «В»...

Печальным образцом «урбанистических» неудач, если не сказать провалов, можно считать заметку «**Владивосток**» (В.М. Марков, П.М. Нерлер), вобравшую в себя целый набор характерных для МЭ авторских промахов. Так, почти афоризмом представляется содержащаяся в первых строках публикации характеристика роли города в отечественной истории, превосходящая все мыслимые параметры экспрессивных оценок: «Начиная с 1929, когда во Владивостоке был создан первый лагерь ГУЛАГа, Владивосток играл выдающуюся роль в системе организации массовых советских репрессий» (с. 160, стб. 2)²⁵. Заодно из преамбулы читатель узнает

²⁴ В этом же материале содержится и такое утверждение: «О.М. познакомился с Карташевым, предположительно, в Религиозно-философском обществе, заседания которого периодически посещал и с секретарем которого С.П. Каблуковым он дружил» (с. 282, стб. 1). На чем основывается в своей убежденности автор, неизвестно, как неизвестны прямые свидетельства о личном знакомстве О.М. с Карташевым и как нет никаких явных оснований предполагать сам его факт, в том числе и при участии С.П. Каблукова. Биографы и исследователи, придерживающиеся уверенности в знакомстве этих двух современников, традиционно опираются на то, что об эпизодическом общении О.М. и Карташева в завуалированной форме свидетельствовала вдова поэта, во «Второй книге» упоминая о «Религиозно-философском обществе, где Мандельштаму случалось встречаться с Карташевым» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 127). Но в силу объективных причин это утверждение неизбежно носит «вторичный», опосредованный характер, а потому никак не может считаться безусловно достоверным. Столь же бесспорным видится для большинства интерпретаторов прямая обращенность к Карташову мандельштамовского стихотворения 1917 года «Среди священников левитом молодым...», тогда как более соответствующей действительности представляется трактовка, принадлежащая В.В. Мусатову: «Посвящение Карташеву <...> имело свой смысл. Он был одним из тех приверженцев христианской культуры, с которым можно было “аукаться” в наступающей ночи, но, конечно, не реальным адресатом стихотворения и не его героем. Ни в характере, ни в личности, ни в происхождении русского православного богослова не было ничего от той кровной причастности к трагедии иудейства» (*Мусатов В.В.* Лирика Осипа Мандельштама. С. 165). – Достоверная биография Карташева и краткая характеристика его мировоззрения доступны в «словарной» публикации: *Зернов Н. А.В.* Карташев // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сборник статей. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1975.

²⁵ С 2008 года так и осталось без ответа – и положительного, и отрицательного – предположение одного и научных редакторов МЭ о том, что аббревиатура «ГУЛАГ», не поддерживаемая самостоятельной статьей, для современных (и тем более будущих) читателей нуждается в обязательной

и о следующем факте: «До 1992 Владивосток был закрыт для иностранцев, а его посещение гражданами СССР или Российской Федерации осуществлялось по специальным пропускам (с. 160, стб. 2); в такой ситуации, если авторы посчитали подобную информацию актуальной для МЭ, логичнее было, наверное, указать время, с которого свободный въезд в город был запрещен. Далее до сведения читателей доводится то обстоятельство, что «Владивосток как конечный пункт Транссибирской железной дороги являлся транзитно-перевалочной узлом на пути сотен тысяч заключенных на Колыму <...>, а также в другие зоны ГУЛАГа в Дальневосточном крае» (с. 160–161). Комментатор этих строк может ошибаться, но, кажется, слово «зона» в этом ее статусе жаргонизма из уголовного жаргона в литературный русский язык еще не переместилось. И абсолютно точно этого не произошло с другим совершенно откровенным жаргонизмом – «медицинским термином», который так трогательно употребляют авторы заметки, сообщая читателям, что О.М. «в пересыльном лагере <...> провел последние 77 дней своей жизни (в 11-м бараке, а также в больничке)» (с. 161, стб. 1)²⁶. И если речь заходит на эту более чем печальную тему, то ничем нельзя логически объяснить тот факт, что остались неупомянутыми строки, ранее связывавшиеся комментаторами именно с пребыванием О.М. в этом пересыльном лагере: *Черная ночь, душный барак, / Жирные вши... (3, 366)*. Сказать наверняка, существовали ли они в реальности и являлся ли О.М. их автором, теперь, разумеется, невозможно, но если такая легенда существует, то вряд ли допустимо избегать упоминания о ней в любой форме²⁷.

расшифровке, тем более что в последние годы для новой и самой широкой читательской аудитории она в первую очередь может ассоциироваться не столько с социально-историческими реалиями 1930–1950-х годов, сколько с именем и творчеством Александра Солженицына. И также без ответа и без результата остались попытки сократить объем рецензируемой публикации (представленной в редакции 2008 года) и, особенно, сопровождающий ее список литературы, исключив из него несчетное количество путеводителей по Владивостоку, принадлежащих перу одного из соавторов этой статьи.

²⁶ Подобного рода лексико-стилистическая толерантность, к сожалению, встречается в «рецензируемом» издании регулярно. Впрочем, предлагаемые МЭ формулировки иногда представляются расходящимися не только со стилистическими канонами, но и с элементарным здравым смыслом, как, например: «мировая культура для Мандельштама по своему элементарному смыслу не противостоит русской, а включает ее в себя, или, может быть, вернее: русская культура включает в себя мировую культуру, будучи ею сама» (с. 10, стб. 2), – или, более локальное: «В целом ряде случаев есть основания принимать высказывания Н.Я. Мандельштам за высказывания самого Мандельштама, до такой степени они в его духе и соответствуют его идеям, известным нам по другим источникам» (с. 14, стб. 1).

²⁷ Очевидно, именно вследствие данного обстоятельства приведенный фрагмент не упоминается в МЭ в лаконичной заметке П.М. Нерлера «Несохранившиеся произведения О.Э. Мандельштама» (с. 370,

В заметке «Владивостокский пересыльный лагерь» (В.М. Марков) в качестве синонимов объекта описания указаны «Пересылка», «Транзитка», «Транзитная командировка» и «Шестой километр» (с. 161, стб. 2). Думается, что только последний из них может считаться окказионализмом, тогда как первые три «термина» (также балансирующие на границе уголовно-исправительного тезауруса), начиная с 1930-х годов в разговорной речи имели более универсальное значение. И далее, в первой части описания читатели встретятся с трудно представимыми в традиционных энциклопедических изданиях языковыми свободами, узнав, например, следующее: «Территория лагеря делилась на четыре зоны, разграниченные двумя рядами колючей проволоки: две большие – мужскую и женскую, а также общую (смесь “бытовиков” и “блатных”) и хозяйственную» (с. 161, стб. 2)²⁸. После этой информации следует более лирический пассаж: «Эшелон с О.М. прибыл в Владивостокский пересыльный лагерь 12.10.1938, когда стояла теплая, почти летняя погода» (с. 161, стб. 2), – который сменяет уже откровенно беллетристическое повествование, вводимое в публикацию без указания на какие-либо источники. Данное едва ли ни эмоционально положительное по своей тональности отступление продолжает краткий откровенно публицистический пересказ дальнейшей истории лагеря вплоть до 2007 года. Завершает текст характерная для авторской манеры библиография, по сути, стремящаяся к безграничности, правда, отнюдь не информационно²⁹.

К собственно урбанистическому «ареалу» в его далеком от совершенства проявлении возвращает статья «Воронеж» (П.М. Нерлер), где должна бы быть описана «столица Воронежской области» (с. 167, стб. 1) и ее роль в биографии и творчестве поэта. Общий способ подачи материала, даже не научно-популярный, а собственно повествовательный, «художественный», определяет и стилистическую специфику изложения основной канвы пребывания поэта в ссылке: «Поначалу все складывалось относительно удачно <...>, но постепенно над О.М. стали сгущаться тучи: сначала –

стб. 2); не был он включен и в последнее «академическое» издание поэтического наследия О.М.; см.: *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009.

²⁸ Насколько можно понять авторское иносказание, именно в указанную «смесь “бытовиков” и “блатных”» входил, в частности, и главный герой МЭ.

²⁹ В этом отношении публикация значительно превосходит свою «предшественницу» – заметку «Владивосток», в остальном полностью повторяя ее судьбу: та же дата последнего обращения автора к ней – 2008 год – и те же безуспешные попытки одного из редакторов энциклопедии стилистически откорректировать текст и, по возможности, максимально сократить и его, и, как нетрудно догадаться, прилагаемую к ней библиографию.

бытовые, денежные, медицинские, а под конец пребывания в Воронеже он столкнулся и с политическими обвинениями. <...> – В то время как О.М. отбывал свою ссылку, историческое время напрягалось <sic. – С.Ш.> и ужесточалось. Репрессии набирали обороты <sic. – С.Ш.>, и разворачивание Большого Террора началось лишь спустя несколько недель после возвращения О.М. в Москву в середине мая 1937. <? – С.Ш.> – Но самое поразительное – те дивные стихи, которые Мандельштам <sic. – С.Ш.> написал в Воронеже, вершинные во всем творчестве. <sic. – С.Ш.> Трижды – с апреля по июль 1935, с декабря 1936 по февраль 1937 и с марта по май 1937 гг., – его накрывал невероятный творческий прилив <sic. – С.Ш.>, а когда волна уходила, “на берегу” всякий раз оставалась стопка листков с новыми стихами <sic. – С.Ш.>. <...> – Благодаря своим воронежским стихам Мандельштам <sic. – С.Ш.> – окольцованный и раскрепощенный – навсегда “прописался” в этом городе <sic. – С.Ш.>» (с. 167, стб. 1)³⁰. Степень научной емкости такого типа описаний читатели пусть определяют самостоятельно...

В масштабах всей публикации автор последовательно продолжает придерживаться избранному им методу описания административного центра Воронежской области, сосредоточив все свое внимание на постоянном и эпизодическом окружении ссыльного поэта: «Будучи по природе очень открытым человеком, О.М. столкнулся в Воронеже и с острейшим дефицитом человеческого общения. Но изоляция эта никогда не была абсолютной». В подтверждение сказанному далее приведен полный список тех, кто посетил поэта в ссылке: «Уже через пару недель после прибытия в Воронеж его проведаль И.Г. Эренбург. Позднее к нему приезжали, пользуясь гастрольями, М.В. Юдина и В.Н. Яхонтов (и не раз!). Заходили и другие гастролеры: летом 1935 – артисты Камерного театра, например, 23.11.1935 – пианист Лео Гинзбург. Дважды на майские праздники приезжала Э.Г. Герштейн, по

³⁰ Опечатки и явные ошибки, на которые рецензент постоянно вынужден обращать внимание, – не проявление неумного педантизма и не повод для злопыхательства, а только дополнительное подтверждение отсутствия в процессе подготовки и печати энциклопедии и структурно-содержательного, и редакторского, и технического контроля. Так, например, неисправленным осталось указание реального имени Джека Лондона – «[наст. фам. и имя Джон Гриффит Чейни (англ. John Griffith Chaney) Джон]» (с. 316, стб. 2); не может не оставить у внимательного читателя чувства недоумения подпись под заметкой «“Вечерняя звезда”» – «В.А. Калмыкова» (с. 160, стб. 1); точно также не останется незамеченным именование в публикации «Фаворский В.А.» одного из добрых знакомых поэта – «Осьмеркин» (с. 488, стб. 1), при том, что в МЭ присутствует статья «Осьмеркин А.А.», и мн.др. И в такой ситуации приходится утверждать, что подобного рода опечатки – не просто мелкие технические огрехи, а, чаще всего, – серьезные ошибки, вносящие в энциклопедическое издание искаженную информацию.

разу, но на день оба брата – А.М. и Е.М. <sic. – С.Ш.³¹>. На неделю – А.А. Ахматова (5–11.2.1936) и на месяц – Д.М. Бутман (сентябрь 1934). И, наконец, дважды, его теща, В.Я. Хазина (в августе 1934 и в апреле-мае 1937)» (с. 167, стб. 1)³². Но, как нетрудно догадаться, в число собеседников ссыльного литератора входили не только его столичные знакомые: «Медленно и постепенно складывались добрые отношения О.М. с жителями Воронежа, такими как Ф.Я. Маранцем, К. Швабом, Н.Е. Штемпель, П.Н. Загоровским или М.В. Ярцевой <sic. – С.Ш.>» (с. 167, стб. 1). И далее автор дает четкую типологическую характеристику новых мандельштамовских знакомых по признаку их «территориальной принадлежности»; соответственно: «Первый – он же и самый ранний, и самый ближний – круг общения составили репрессированные москвичи и ленинградцы: врачи, писатели, журналисты. Из них – по интенсивности общения и воздействию на поэта – выделялись двое: П.И. Калецкий и С.Б. Рудаков», – и: «Второй круг – жители Воронежа: те же категории лиц, но с добавлением разве что газетного и писательского начальства. Но ни с кем из писателей О.М. по-настоящему не сблизился: ближе других к нему оказались Б.Г. Песков и П.Н. Прудковский (прозаики), а также В.А. Покровский (поэт)»³³. И завершается данный пассаж следующим утверждением: «Зато Наташа Штемпель <sic. – С.Ш.> заменила их всех и

³¹ Первая из данных аббревиатур – А.М. – в списке сокращений МЭ расшифровывается как «архив О.Э. Мандельштама (Отдел редких книг и специальных коллекций Библиотеки Принстонского университета, США)» (с. 4, стб. 1), вторая – Е.М. – как «Мандельштам О. Египетская марка. Л., 1928» (с. 6, стб. 1), но на помощь озадаченному читателю всегда наверняка придут аббревиатуры «А.Е.» и «Е.Э.». Попутно нельзя не отметить, что ни об одном из братьев статей в комментируемом издании нет, нет их и об отце и матери поэта, как и о других его близких родственниках. Видимо, во время внезапно начавшейся подготовки «рукописи» МЭ к сдаче в печать материалов, хоть в малой степени соответствующих требованию момента, под рукой не оказалось.

³² Пытаться найти в томе МЭ между публикациями о Д.Д. Бурлюке и Н.И. Бухарине информацию о человеке, который провел рядом с О.М. сентябрь 1934 года, бесполезно. Впрочем, столь же безуспешными будут поиски там же любых сведений и о теще поэта.

³³ Из трех перечисленных литераторов только последний представлен в МЭ «персональной» заметкой, из которой, в частности, можно узнать, что он – «поэт, переводчик, педагог, ученый-гигиенист, доктор медицинских наук. Публиковался в воронежской периодике. Автор сборника стихов “Славная жизнь” (Воронеж, 1933). Был женат на Ангелине Николаевне Черечукиной, вдове Я. Гершановича, друга К.М. Гусева <sic. – С.Ш.>, с которым они вместе ходили к О.М. Дружил с Н.Е. Штемпель и с молодой поэтессой Ольгой Кожуховой <sic. – С.Ш.>, которая также бывала у О.М.» (с. 391–392). А вот присутствующий в процитированном фрагменте К.М. Гусев среди героев МЭ оказался; см.: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 58–59.

прочно вошла в жизнь поэта – как его друг, читатель и слушатель» (с. 167, стб. 1); понимать, кто именно подразумевается под «ними», можно весьма многообразно.

Дальнейшая детализация окружения ссыльного поэта основывается на хронологических принципах: «По признаку преобладающего общения воронежское трехлетие О.М. можно разбить на три неравные трети, или, условно, – на три “г да” <sic. – С.Ш.>: “год” с Калецким, “год” с Рудаковым и “год” со Штемпель» (с. 167, стб. 1). Затем, в соответствии с предложенной структурно-типологической моделью, в статье следуют краткие характеристики этих персонажей: «“Год Павла Калецкого”, если считать его от приезда О.М. в Воронеж. и до отъезда Калецкого в июле 1935, продлился чуть больше 12 месяцев: в это время О.М. осваивался в Воронеже и приходил в себя после ареста, тюрьмы и Урала. На “Год Сергея Рудакова”, вобравший в себя 15 месяцев (с апреля 1935 по июль 1936), выпали стихи т. н. “Первой воронежской тетради”. Точнее, стихи пришлось на несколько месяцев, “общих” для двух “годов – и Калецкого, и Рудакова <...>. Но стихи вернулись буквально на глазах – и даже в присутствии именно Рудакова, активно пытавшегося повлиять на их дальнейшее “прохождение” сквозь автора <sic. – С.Ш.> и на их финальные редакции» (с. 167, стб. 1–2). После этого в статье следует краткая характеристика взаимоотношений О.М. с Рудаковым и эпистолярного наследия последнего, особенно актуальная с учетом того, что попытка найти в МЭ между статьями о М.И. Рудермане и о «Русской мысли» упоминание главного мандельштамовского собеседника воронежского периода окажется напрасной тратой времени. Завершает этот «типологический» пассаж легко предсказуемый традиционный панегирик в адрес одной из наиболее устойчивых мифологем мандельштамовской биографии: «Самым коротким (с конца сентября 1936 и до середины мая 1937) был “Год Натальи Штемпель”. Это самый изгойский <sic. – С.Ш.> и самый трудный период за все время в Воронеже. Но именно отношение к Штемпель <sic... – С.Ш.>, “ясной Наташе”, отношения с ней, как и с теми, кого она с собой “привела”, впервые были по-настоящему и двусторонне дружескими. И не случайно именно на эти восемь месяцев пришлось две “воронежские тетради” из трех! Встреча и дружба со Штемпель – настоящее чудо и величайший подарок в жизни О.М. <sic. – С.Ш.>» (с. 167, стб. 2).

Также предугадываема и мемориально-юбилейная тональность финальной части этих материалов с ее краеведческими обертонами³⁴. Одновременно с этим автору

³⁴ Именно оттуда становится известно, например, о том, что с 2015 года в Воронеже регулярно проходит «фестиваль поэтического искусства “Мандельштам-фест”» (с. 168, стб. 1), правда, для непросвещенных читателей текст не содержит объяснения данного термина. Впрочем, как не содержит и

статьи удалось обойтись в ней не только без каких-либо библиографических указаний, но и без списка рекомендуемой литературы, в частности, избежав упоминания публикации: Осип Эмильевич Мандельштам в Воронеже (июнь 1934 года – май 1937 года). Фотоальбом / Сост. Н.Е. Штемпель, В.Л. Гордин, автор текста Н.Е. Штемпель [Воронеж, 1985] // Осип Мандельштам в Воронеже: Воспоминания. Фотоальбом. Стихи: К 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама / Сост. П. Нерлер. – М.: Благотворительный Резервный Фонд, 2008. Для большинства читателей наверняка не нуждается в аттестации история появления этого «издания» и напоминание того места, которое в нем отведено актуальному как раз в реконструируемом контексте краеведческому компоненту, касающемуся Воронежа периода пребывания О.М. в нем. Один из участников редакционной коллегии МЭ в другой связи охарактеризовал данный «артефакт» так: «Первую часть книги образуют воспоминания Н. Штемпель “Мандельштам в Воронеже”, вторую – созданный ею и В. Л. Гординым одноименный фотоальбом. – Публикация фотоальбома представляется несомненной большой удачей. <...> Альбом дает великолепную возможность увидеть Воронеж таким, каким его застал Мандельштам. Н. Штемпель и В. Гордин <...> собрали и представили в альбоме, кажется, все, что так или иначе связано с воронежской жизнью поэта. Хочется в первую очередь сказать даже не о людях, о которых идет речь на страницах альбома <...>, а о самом Воронеже с его заснеженными улицами, крутым берегом реки Воронеж, – берегом, застроенным стоящими, кажется, друг на друге старыми и старинными домами и домишками; о Воронеже с его слободами, храмами, монастырскими строениями, широкой рекой, степной далью и узкими переулками. – Все эти виды собраны и продуманно помещены на соответствующих страницах альбома. Ведь многого из этого уже нет, город страшно был разрушен в Великую Отечественную, а что осталось, смотрится не так: изменилось само, изменилось окружение – а альбом Н. Штемпель и В. Гордина сохраняет город мандельштамовского времени»³⁵.

неизбежно приходящей на память цитаты о лингвистическом «русофильстве» из «постакмеистической» статьи О.М. «О природе слова» (1920–1922): *Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности, было бы отпадение от языка. «Онеменение» двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории* (1, 222).

³⁵ Видгоф Л. Осип Мандельштам – «Ясная Наташа» – Воронеж. Две книги, три героя // Видгоф Л. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. – М.: Новый хронограф, 2018. С. 182–183. Собственно говоря, и процитированному тексту место – среди главных библиографических позиций несуществующего списка рекомендуемой литературы, куда, в частности, следовало бы включить и публикацию: Нерлер П. «У чужих людей мне

Если говорить о рассмотренной статье в более широком аспекте, то придется отметить ее безусловное несоответствие читательским ожиданиям найти в тексте не общеизвестные и повторяющиеся в других материалах МЭ объективные данные и субъективные характеристики, а реальные топографические и историко-культурные сведения о городе, сыгравшем столь яркую роль и в судьбе самого О.М., и в русской литературе XX века. Известная «маргинальность» топографического начала этого города для автора статьи совершенно откровенно манифестирована уже в дефиниции в форме «минус-присутствия» Воронежа, его пребывания в повествовании методом «от противного», когда об О.М. говорится: «Здесь он провел 35 последующих месяцев, лишь ненадолго отлучаясь в непродолжительные поездки – в частности, в Воробьевский район (две командировки от газеты – 24.10–28.11.1934 и 22–23.7.1935), на дачу (предположительно в Сосновку) в 1935, в санаторий в Тамбов (на стыке 1935 и 1936 гг.) и еще раз на дачу, в Задонск (20.6. – нач. сентября 1936)» (с. 167, стб. 1; редакционное оформление текста сохранено). Более того, не станет преувеличением утверждение о том, что как «носитель» урбанистического и – шире – спационального начала Воронеж проявляется в тексте лишь однажды и только в редуцированной, опосредованной форме адресов, по которым проживал О.М.: «Вот перечень его конкретных адресов в Воронеже: гостиница “Центральная” на пр. Революции (июнь 1934), терраска в доме повара возле Бринкмановского сада (предположительно на Федеративной ул., 18 или 16; нач. июля – сер. октября 1934; “комната-каюта” в доме в “яме” на 2-й Линейной, 4 (ныне пер. Швейников, 4б; сер. Окт. 1934 – 21.4.1935); смежные комнаты в “меблирашке” у “мышебойца” на пр. Революции (угол с ул. 25 октября; 21.4.1935 – 14.3.1936) и в доме ИТР на ул. Энгельса, 13б (14.3 – окт. 1936); комната у театральной портнихи в “доме без крыльца” по ул. 27 февраля, 50 (окт. 1936 – 16.5.1937)» (с. 167, стб. 2; редакционное оформление текста, как и его лексико-стилистическая специфика, сохранены).

С учетом сказанного, к сожалению, есть все основания говорить о том, что Воронеж как историко-культурный и социальный объект, как «урбанистическая» координата биографии О.М. не получил никакого отражения. Строго говоря, и в собственно биографическом аспекте оказались рассмотренными – причем кратко и односторонне – только отдельные составляющие «коммуникативного» контекста, непосредственно связанного с кругом мандельштамовского общения в период

плохо спится...»: Воронежские адреса Осипа Мандельштама // Текст и традиция: Альманах. 4 – Санкт-Петербург: Росток, 2016.

воронежской ссылки. Вряд ли именно это подразумевал поэт, обращаясь к своему вынужденному собеседнику: *Пусти меня, отдай меня, Воронеж...* (3, 89), – согласно одной из интерпретаций, «Воронеж для Мандельштама – город парадоксов и контрастов. Прожив в нем менее года, поэт пишет известнейшее стихотворение “Это какая улица?..” (1935), создавая собственную версию пушкинской лирической темы, восходящей к Горацию: улица, носящая имя поэта, – аналог пушкинского памятника (с его “главою непокорной”) и конгениальна тому, чье имя носит»³⁶.

Поскольку, во-первых, аналогичное «минус-присутствие» распространилось в МЭ и на ряд других более чем заметных топографических координат и, во-вторых, некоторые из публикаций на эту тему оказались за гранью критики, есть все основания говорить о состоявшейся в МЭ «урбанистической катастрофе»³⁷. И это при том, что издание содержит во многом образцовые статьи, посвященные аналогичной тематике, – от «космогонической» «Москвы» (Л.М. Видгоф, П. М. Нерлер) до фольклорно-патриархального «Выборга» (А.Д. Еськова).

Под литерой «Г»...

Заметке автора этих строк «Гастев А.К.» посчастливилось быть изданной в аутентичном виде, однако недавно появилась возможность и необходимость дополнить

³⁶ *Таборисская Е.* Россия и Европа в воронежских стихах О. Мандельштама (мотив города) // Лотмановский сборник. 4. – М.: ОГИ, 2014. С. 436.

³⁷ Ср.: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 39–42. Еще одним частным, но еще более ярким примером этого может служить заметка «Жагоры» (П.М. Нерлер), которую рецензент позволит себе привести целиком безо всяких комментариев, оставив поиск ее мандельштамоцентрических признаков читателю: «местечко в Шавельском уезде Виленской губернии, с 1842 Ковенской губернии, на реке Швете (ныне город в Ионишском районе Литвы). Состояло из двух обществ – Старо-Жигоры и Ново-Жигоры, в которых в 1897 году проживало соответственно 2527 и 5602 человек, из них евреев – 1629 и 3814. Из Жигор происходит семья О.М. по мужской линии; отсюда же родом физик-ядерщик И.К. Кикоин (1908–1984), знаменитый еврейский чаеоторговец и филантроп К.З. Высоцкий (1824–1904) и др. В 1941 еврейское население Жигор было уничтожено: в июле собрано в гетто, а 2.10.1941 расстреляно» (с. 241, стб. 1). – Видимо, частным следствием «антиурбанистической» тенденции стала публикация труднообъяснимого варианта заметки автора этих строк «Рига»: работа над ней велась с 2008 года, но что именно явилось основанием для размещения в МЭ, неизвестно. В результате редакторских инноваций в тексте, например, не оказалось двуязычного варианта написания названия города, внесены не согласованные с автором изменения в список рекомендуемой литературы и др.; по этой причине в приложении размещена окончательная редакция статьи.

ее библиографической ссылкой на публикацию «Poetry in Motion: Aleksei Gastev and the Aesthetic Origins of Soviet Biomechanics», представляющую собой главу в монографии: *Vaingurt J. Wonderlands of the Avant-Garde: Technology and the Arts in Russia of the 1920s.* – Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2013. В ней, кажется, впервые отмечена прямая связь гастевских теоретико-практических моделей с концепцией биомеханики В.М. Бехтерева, нашедшей, в частности, свое отражение и в театральной практике; ср. статью О.Н. Купцовой «Мейерхольд В.Э.» (с. 337, стб. 1).

Редкий, к сожалению, для рассматриваемого издания пример по-настоящему энциклопедического текста представляет собой статья «Гомер» (О.А. Лекманов при участии Г.С. Зобина), но, как кажется, она вполне могла быть расширена некоторыми конкретными дополнениями. Так, в частности, замечанию авторов о том, что О.М. «студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета <...> читал “Илиаду” и “Одиссею” как программные произведения» (с. 191, стб. 2) могло бы предшествовать упоминание о, вероятно, прослушанном им осенью 1913 года курсе лекций Ф.Ф. Зелинского, посвященном гомеровской «Илиаде»³⁸. Упоминаемое далее стихотворение О.М. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915) авторы статьи характеризуют как текст, в котором «подразумевается перечисление навархов, приведших свои корабли под Трою (из 2-й песни “Илиады”» (с. 192, стб. 1), но, вероятно, следовало бы учитывать, что в самой широкой культурной традиции подразумеваемый фрагмент остался не списком морских военачальников, а списком (перечнем, каталогом) кораблей, пришедших под Трою. Об этом же прямо свидетельствует и мандельштамовское стихотворение: *Я список кораблей прочел до середины: / Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, / Что над Элладою когда-то поднялся (I, 115)*³⁹. И вряд ли без внимания поэта мог остаться факт присутствия среди главных действующих лиц этой песни Одиссея. Здесь же можно отметить то

³⁸ См.: См.: *Сальман М.Г.* Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *Russian Literature.* 2010. Vol. LXVIII. № 3–4. С. 463.

³⁹ Очевидно, данный фрагмент художественного мира О.М. нашел свое отражение в главе «“Чтение Гомера превратилось в сказочное событие”: модернистская одиссея Мандельштама» оставшегося недоступным рецензенту первого монографического исследования на эту тему; см.: *Flack L.C.* Modernism and Homer: The Odysseys of H.D., James Joyce, Osip Mandelstam, and Ezra Pound. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – Среди многочисленных исследований, посвященных данному фрагменту «Илиады», в первую очередь следует отметить «энциклопедическую» монографию: *Simpson R.H., Lazenby J.F.* The Catalogue of the Ships in Homer’s «Iliad». – Oxford: At the Clarendon Press, 1970.

обстоятельство, что изолированное описание данной темы, вне культурного контекста начала XX века, представляется незаконченным; частности, в системе художественных ценностей неоднократно упоминаемого в статье Гумилева поэтическое наследие Гомера и место Одиссея в нем обладали исключительно высоким «ценностным статусом»⁴⁰.

Досадные неточности и разночтения вкрались в статью «Горький М.» (Е.А. Яблоков), в дефиниции которой к числу характерологических признаков буревестника революции, в частности, отнесена такая характеристика: «В годы Гражданской войны один из инициаторов литературно-общественных и издательских начинаний (издательство “Всемирная литература”, Дом литераторов, “Дом искусств” и др.)» (с. 199, стб. 2). Думается, что вторую из писательских организаций трудно отнести к числу практических результатов горьковских усилий: Дом литераторов, напротив, являлся откровенно оппозиционным образованием по отношению к культуртрегерским начинаниям основоположника социалистического реализма; очевидно, автор публикации подразумевает другой его проект – Дом ученых.

«Биографическая» часть статьи могла бы быть дополнена целым рядом частных, но актуальных в самых разных аспектах эпизодов. Так, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, с именем Горького опосредованно связано появление известной мандельштамовской «экзистенциальной формулы»: «О.М. часто говорил: “Мы погибли...” Впервые он это произнес, показывая мне отзыв Сталина на сказку Горького: “Эта штука сильнее «Фауста» Гете”»⁴¹. В агентурном сообщении в ОГПУ 20-х чисел июля 1933 года воспроизведена оценка, данная О.М. одной из горьковских статей: «По поводу статьи Горького Мандельштам сказал: “Горький человек низколобий, с интеллектом низшего типа, но в этих рамках – крупный и иногда может сказать правду. Его статья – это оглушительная оплеуха по литературе и литераторам”»⁴². В начале

⁴⁰ См., напр.: *Мних Р.* Одиссей в эпоху модернизма: концептуализация и символика образа // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. – М.: Индрик, 2015. С. 20–28. Некоторые замечания о «гомеровском топосе» в системе культурных координат акмеизма содержатся в работе автора: Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I // *Toronto Slavic Quarterly*. 2016. № 55. С. 12–25.

⁴¹ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 432. В истории литературы эпизод появления сталинского афоризма относят к 11 октября 1931 года; см., напр.: *Деркач О., Быков В.* Почему «Эта штука посильнее чем Фауст Гете». История одной крылатой фразы // *Новая газета*. 2007. 22 окт. № 41 (51).

⁴² Со ссылкой на Центральный архив Федеральной службы безопасности России (Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 262–267) документ был воспроизведен в публикации: *Berelowitch A.* Les Écrivains vus par l’OGPU // *Revue des Études Slaves*. 2001. Vol. 73. №. 4. P. 626–627; цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э.*

декабря 1935 года О.М., который незадолго до этого при участии Воронежского отделения Союза писателей был назначен на должность заведующего литературной частью Большого советского театра⁴³, в записке, адресованной находившемуся в больнице Рудакову, сообщал: *А я в театр хожу на репетиции. Горького ставим (4, 161)*. Согласно существующему комментарию, речь идет о постановке пьесы «Враги» (1906)⁴⁴; вероятно, об этом факте тому же адресату 10.12.1935 писала Н.Я. Мандельштам: «в театре сейчас горячка, выпускают две постановки, и Ося – помогает <...>. Он сидит на репетициях, пишет брошюры и т.д. Это курьезно, но ему, видно, нравится внутри театра»⁴⁵.

В «содержательной» части публикации с личностью Горького автор опосредованно связывает один из самых «загадочных» мандельштамовских текстов воронежского периода: «С.Б. Рудаков замечает, что строка “воздушно-океанская подкова” в стихотворении О.М. “Мне кажется, мы говорить должны...” появилась под впечатлением от катастрофы самолета “Максим Горький”, произошедшей 18.5.1935. Судя по всему, данное событие отразилось и в стихотворении “Не мучнистой бабочкою белой...”, законченном 30.5.1936; ср. его строки: “Шли товарищи последнего призыва / По работе в жестких небесах...”» (с. 199, стб. 2). Но отсутствие какой-либо мотивации исключает не только возможность согласиться с авторской интерпретацией, но и сам факт ее понимания. Вместе с тем, данное стихотворение и именно в обозначенном контексте уже становилось предметом рассмотрения: в 1995 году – в статье Л.Ф. Кациса «“Может быть, это точка безумия...”»: Об одной воронежской рецензии О. Мандельштама и об одном стихотворении»⁴⁶, а в 2005 – в статьях Т. Лангерака

Мандельштама. С. 385.

⁴³ См.: *Нерлер П.* Даты жизни и творчества [О.Э. Мандельштам] // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 46; *Лекманов О.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. С. 352–357 и др.

⁴⁴ См.: *Василенко С., Нерлер П.* Комментарии // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 413.

⁴⁵ Цит. по.: *Мец А.Г., Тоддес Е.А., Лекманов О.А.* Комментарии [к публ.: О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936)] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О.Э. Мандельштаме. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 115.

⁴⁶ «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995; позднее текст был включен автором в состав сборника статей: *Кацис Л.Ф.* Смена парадигм и смена Парадигмы: Очерки русской литературы, искусства и науки XX века. – М.: РГГУ, 2012.

«Подхалимские стихи». О творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкой <sic. – С.Ш.> белой...»⁴⁷ и Ю.Л. Фрейдина «Неизвестный эпистолярный и типографский эпизод в творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучнистой бабочкой белой...»⁴⁸; трудно сказать, по каким причинам автор не учел эти известные публикации.

Еще одно упущение в заметке списать на ошибки памяти уже невозможно: речь идет о более чем очевидных погрешностях при цитировании свидетельств современника о мандельштамовской реакции на известие о смерти Горького. Так, Е.А. Яблоков пишет о том, что 18.6.1936 Рудаков рассказывал об этом в письме жене, и приводит фрагмент его корреспонденции, которая в реальности должна выглядеть следующим образом (исправления здесь и далее выделены курсивом): «В 9 часов вечера слушали передачу о смерти Горького. Век уходит. Много о нем говорили, и очень глубоко и проникновенно. <...> ”И как *страшно* умер – накануне затмения. Горький в гробу – и затмение”. Потом хватает меня за руку и тащит к окну: ”Смотрите: босяк. Горький умер – и идет босяк: таких теперь нет...” – Вопрос, *нужно ли* писать ли телеграмму. Сочтут, что хочет о себе напомнить»⁴⁹. Аналогичная ситуация возникает и с мандельштамовским текстом, приведенным в публикации в искаженном виде: «В статье “О переводах” О.М. в ироническом контексте вспоминал об издательстве “Всемирная литература”, называя его “*детницей* *детнице* Горького, *двоюродной* *двоюродная бабушкой* бабушка ЦЕКУБУ”» (с. 200, стб. 1). И как, к сожалению, не раз

⁴⁷ Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 25. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2005. Статья была воспроизведена повторно с несколько измененным названием, но с той же очевидной опечаткой в заголовке мандельштамовского текста: Лангерак Т. «Летчики» О. Мандельштама. О творческой истории стихотворения «Не мучнистой бабочкой белой...» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. Именно этот вариант был затем размещен на странице «Публикации» в разделе «Академическая библиография» официального сайта Гентского университета, где преподает автор (<https://biblio.ugent.be/publication/3071881>).

⁴⁸ Вопросы литературы. 2005. № 5. – Развернутый перечень примеров обращения исследователей к данному тексту теперь содержится в комментарии к изданию: Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М.: Рутения, 2017. С. 455.

⁴⁹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца, коммент. А.Г. Меца, Е.А. Тодеса, О.А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О.Э. Мандельштаме. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 182–183.

уже случалось в процессе чтения рецензируемого издания, погрешность, обнаруживаемая в какой-то из статей, носит «типологический» характер, не только повторяясь в публикациях отдельных авторов, но распространяясь до границ всего издания. Самыми распространенными и легко объяснимыми случаями искажения мандельштамовских текстов являются пропущенные или измененные слова и последствия слишком вольного пересказа «прямой речи» О.М.

Так, например, в статье **«Бабель И.Э.»** авторы пишут: «“Лисий подбородок” и выступления Бабеля о поездке в Италию в 1933 позволяют предположить ассоциацию образа Бабеля с образом Ариосто (“Ариост”, 1933, 1935) в позднем варианте этого стихотворения, которое О.М. восстанавливал по памяти в Воронеже в 1935: “А он вельможится все лучше, все хитреее <sic. – С.Ш.> <...> Любезный Ариост, посольская лиса”» (с. 99, стб. 1). В действительности цитата представляет собой контаминацию строк из двух самостоятельных вариантов стихотворения «Ариост» – «Во всей Италии приятнейший, умнейший...» и «В Европе холодно. В Италии темно...». Весной 2009 года пишущему данные строки уже приходилось обращать внимание редакционной коллегии на эти «текстологические» обстоятельства, но, судя по всему, авторам публикации сей факт остался неизвестен. То же самое, очевидно, произошло и с маргиналиями к статье **«Гоголь Н.В.»**, где в цитаты из мандельштамовских произведений вкрались оба типа рассматриваемых опечаток: «В прозаическом очерке “Шуба” (1922) О.М. обращается к одной из основных коллизий гоголевской повести: “Отчего *же же* беспокойно мне в моей шубе?”»; «Тема “петербургской повести” Гоголя “Записки сумасшедшего” отражена в “Египетской марке” (1927): “Парнок оживлялся. Концертный морозец пробежал по его *сухой* коже ”» (с. 190, стб. 1). Сходная ситуация встречается и в цитате из письма поэта Н.Я. Мандельштам: «от 4.5.1937 из Воронежа: “По поводу *же* нападения курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает, какой вздор пишу. Гоголь такого не выдумает”» (с. 190, стб. 2). Явно миновали редакторские наблюдения по поводу аутентичности приводимых цитат автора публикации **«Клюев Н.А.»**, в которой набор опечаток «компрессирован» в одном фрагменте: «В статье “Письмо о русской поэзии” (1921) О.М. писал: “Клюев – пришелец с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоится в эллинской *простоте и важности важности и простоте*. Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух *Боратынского Боратынского* с вещим напевом неграмотного олонцкого сказителя”. Тем не менее в статье “Буря и натиск” (1923–1922–1923) О.М. отзывался о “фольклоризме” Клюева скорее в критическом духе» (с. 292, стб. 1). Весной 2009 года автор этих строк обращал внимание коллег на

неуказанные «купюры» в цитатах из текстов О.М., встречающиеся в статье «**Метафора**». Первая из них обнаруживается в известной мандельштамовской характеристике специфического семантического наполнения поэтических образов в традиции русского символизма: «статья “О природе слова” (1920–1922) содержит полемику с русскими символистами по поводу символа. <...> “Образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием. <...> Ничего настоящего, подлинного. Страшный контрданс “соответствий”, кивающих друг на друга... *Вечное подмигивание*. Ни одного ясного слова, только намеки, недоговаривания» (с. 339, стб. 1). А в прямой цитате из «Разговора о Данте» оказалась исключена одна из важнейших в художественном мировоззрении О.М. категорий, распространяющаяся на самые разнообразные семантические сферы его творчества, – путешествие: «Возьмем обширнейшую группу “птичьих” сравнений <...>, – эта группа развернутых сравнений всегда соответствует инстинкту паломничества, *путешествия*, колонизации, переселения» (с. 339, стб. 1). А применительно к публикации «**Наполеон I**», к глубокому сожалению, речь уже должна идти не о досадных технических мелочах, а о явной небрежности автора, если не сказать откровенной недобросовестности. Вот лишь один пример: «В статье “Конец романа” (1922) О.М. указывает на значение фигуры Наполеона для его современников и потомков. “Расцвет романа в XIX веке следует поставить в прямую зависимость от наполеоновской эпопеи, *чрезвычайно необычайно* повысившей акции личности в истории <...>. Типическая биография захватчика и удачника Бонапарта расплылась у Бальзака в десятки так называемых *«романов-удачи» (romain de reussite)» «romain de reussite)» – «романов-удачи)»» (с. 361, стб. 1).*

Подобного рода оплошностей не избегают тексты любой жанровой принадлежности, в том числе и инскрипты, хотя некоторые случаи традиционно для рецензируемого издания с трудом поддаются попыткам логически обоснованной интерпретации. Так, например, почти безукоризненная в главных своих составляющих небольшая публикация «**Луговской В.А.**» (Н.А. Громова) все-таки не избежала ряда недочетов. Кроме широко распространенного в МЭ разнообразия представленных форм инициалов персонажей статьи, она, в частности, содержит такое сообщение: «В 1928 году О.М. подарил Луговскому сборник “Стихотворения” со следующей дарительной надписью: “Потому что поэзия – это война!” <sic. – *С.Ш.*> (ранее – собрание Т. Могилевской, ныне – Архив Квебекского университета. Оттава, Канада)» (с. 319, стб. 1). Не оправдывая автора, тем не менее, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что во втором томе энциклопедии эта надпись воспроизведена в «конкордансе» автографов О.М., причем в достоверной форме и с несколько

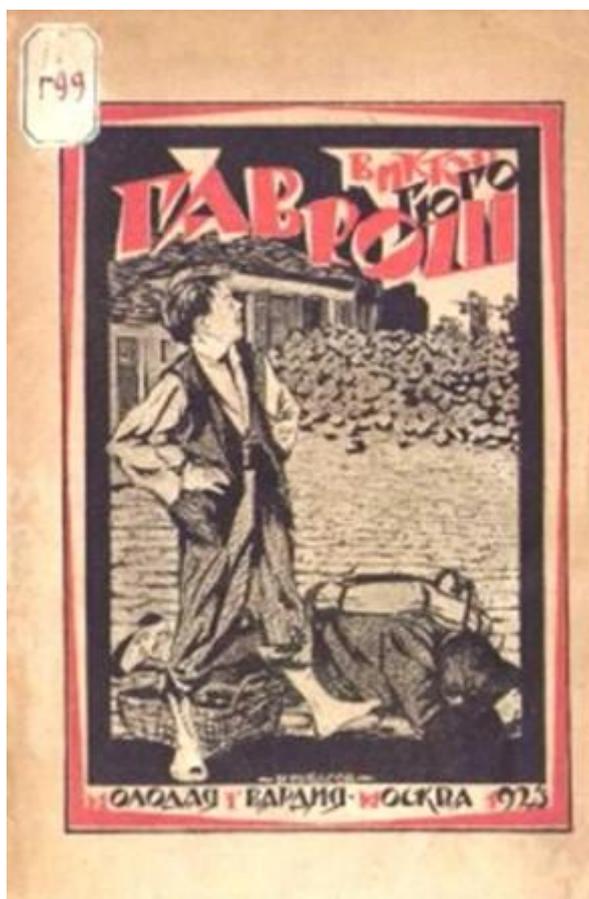
отличающимся указанием ее местонахождения: «Владимиру Александровичу / Луговскому – / с воинским салютом, / ибо поэзия – военное / дело – / О. Мандельштам. / Москва 12 мая 1929. – Собрание Т. Могилевской, Квебек (Канада)»; там же указано предыдущее упоминание о ней в печати: «Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 682 (факсимиле)»⁵⁰. Таким образом, «новое прочтение» инскрипта и его «локализация» или не рассматривались участниками подготовки МЭ к изданию, или были едва ли не сознательно проигнорированы ими. И это при том, что мандельштамовская надпись явно приведена в передаче чужих слов; более того, в первоначальной редакции статьи данный факт был прямо указан самим ее автором (причем воспользовавшимся информацией не мандельштамоведа и даже не специалиста-филолога, а профессионального литератора), вследствие чего один из научных редакторов, не комментировавший этот материал полностью, тем не менее высказал опасения по поводу его достоверности. Но сложившиеся обстоятельства никакого положительного продолжения не имели.

На полное отсутствие внимания редколлегии к этой заметке дополнительно указывает еще один ее фрагмент, воспроизведенный в печати вне всяких соответствий правилам оформления публикаций в МЭ, на что в свое время обратил внимание другой научный редактор рецензируемого издания (в цитате сохранены пунктуация и правописание опубликованного текста): «В 1932 Луговской и О.М. были соседями по Дому Герцена. Отрицательно отзывавшись о Луговском, Н.Я. Мандельштам тем не менее противопоставила его Н.С. Тихонову, отмечая более наивный и чистый склад его природы и неучастие в литературных войнах (Н. Мандельштам (1). Л. Копелев в автобиографической повести “Утоли мои печали” (М., 1989) вспоминал о том, как в 1940 на именинах своей ученицы Евгении Ласкиной (жены К.М. Симонова) Луговской публично прочел стих. О.М. “Мне на шею бросается век-волкодав”» (с. 319, стб. 1).

Возвращаясь к литературе «Г», следует отметить, что заметку «**Гюго В.**» (С.Г. Шиндин) можно было бы дополнить предположением о том, что стихотворение «Париж» («Язык булыжника мне голубя понятней...», 1923) содержащее совершенно явные смысловые коннотации с обобщенной темой революций во Франции, может, в

⁵⁰ *Василенко С.В., Нерлер П.М.* О.Э. Мандельштам. Инскрипты и маргиналии // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 147, стб. 2. Ранее надпись воспроизводилась в известной публикации: *Василенко С., Нерлер П.* Инскрипты и маргиналии О.Э. Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 216.

частности, соотносится с эпизодом собирания пуль Гаврошем в романе Гюго «Отверженные» (1862): *Здесь толпы детские – событий попрошайки, / Парижских воробьев испуганные стайки, / Клевали наскоро крупу свинцовых крох – / Фригийской бабушкой рассыпанный горох. / И в памяти живет плетеная корзинка* (2, 47). Дополнительную вероятность данному допущению придает факт выхода в свет в один год с написанием мандельштамовского стихотворения фрагментов романа, посвященных образу этого героя: *Гюго В. Гаврош* / Перераб. и сокр. Е. Херсонской, худож. оформл. И. Дубасова. – Петроград: Молодая гвардия, 1923. Вероятно, появление подобного издания, вошедшего в активный оборот отечественной литературы для детей, было мотивировано стремлением в адаптированной форме изложить подрастающему поколению один из фрагментов европейской истории в новых социокультурных координатах⁵¹.

⁵¹ Самый широкий типологический контекст, в который встраивается данный фрагмент, рассмотрен (без упоминания Гюго) в публикации: *Шиндин С. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III. С. 56–58.*

По поводу заметки «**Гюисманс Ш.М.Ж.**» (С.Г. Шиндин) можно отметить, что любопытное «акмеистическое» свидетельств, характеризующее отношение к ее «главному герою» в культурной среде 1910-х годов, оставил Адамович: «У нас в России к Гюисмансу всегда относились холодно. Признавали, но не особенно любили. Были, впрочем, и убежденнейшие “гюисманисты”. К числу их принадлежал и покойный Гумилев. Мне однажды пришлось видеть, как Гумилев поссорился с одной довольно известной литературной дамой и даже наговорил ей дерзостей, только из-за того, что она осмелилась предпочесть Гюисмансу Мопассана. Дама смутилась, пошла на уступки и бормотала что-то вроде того, что “конечно, каждый в своем роде...” Но Гумилев был непреклонен: “Никакого нет своего рода... Мопассан по сравнению с Гюисмансом совершеннейшее ничтожество!” Будучи в Париже, Гумилев ходил к Гюисмансу “на поклон” и был принят. Он подробно рассказывал о своей беседе с автором “Là-bas” и о том, как Гюисманс его расспрашивал про Толстого и толстовское учение... Прощаясь с Гумилевым, Гюисманс улыбнулся и полушутливо произнес: “Я очень люблю русских... Но как жаль, что вы не католики”» (*Сизиф [Адамович Г.]*. Отклики // Звено. 1927. 22 мая. № 225. С.11; цит. по: От Цеха поэтов к «парижской ноте» (Георгий Адамович о Николае Гумилеве) / Пред. и сост. О.А. Коростелева // Юность. 2009. № 2).

Под литерой «Д»...

Трудно сказать, насколько актуально для мандельштмоведения содержащееся в заметке «**“День поэзии”**» (В.В. Калмыкова) сообщение о том, что в одноименном ежегодном поэтическом альманахе «были традиционно представлены не только произведения авторов 1950–1990 (Б.А. Ахмадулина, Е.М. Винокуров, Е.А. Евтушенко, Р.А. Рождественский, Б.А. Слуцкий, А.А. Тарковский, А.Т. Твардовский и др.)» (с. 222, стб. 1). Вместе с тем, ввиду заявления одного из главных редакторов об «объемных» проблемах МЭ, следует заметить, что процитированный фрагмент по своим размерам совпадает, например, с объемом уже упоминавшихся публикаций о Паоло Яшвили или о Гаспре.

Глубокую и содержательную статью «**Державин Г.Р.**» (О.А. Лекманов) можно было бы дополнить безусловно заслуживающим внимания свидетельством, оставленным Н.И. Харджиевым в первом посмертном издании стихотворений О.М.: «В 1934 г. в беседе с редактором настоящего издания Мандельштам сказал, что лучший перевод сонета Петрарки на русский язык принадлежи Державину – стихотворение

“Задумчивость” (22-й сонет)»⁵². Ряд наблюдений, касающихся упоминания имени Державина в «Стихах о русской поэзии», присутствует в исследовании: *Черашняя Д.И.* Встречи-беседы в стихах о поэтах и поэзии 1932–33 годов // *Черашняя Д.И.* Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2011. С. 110–111, 115–116.

В заметке «**Добычин Л.И.**» (С.Г. Шиндин) неучтенной осталась публикация «Добычин и Мандельштам, или Тоска по мировой культуре», являющаяся составной частью монографии: *Шеховцова Т.А.* Проза Л. Добычина: маргиналии русского модернизма. – Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2009. С. 236–250. Следует, впрочем, отметить, что содержащееся в ней соположение «Города Эн» и «Египетской марки», выполненное в эссеистской традиции, носит не типологический, а собственно сопоставительный характер; соответственно, не представляется убедительным вывод, к которому приходит автор (с. 250): «Разделяя с Мандельштамом “тоску по мировой культуре”, Добычин явно полемизирует с ним, выстраивая собственную художественную реальность. <...> По отношению к повести Мандельштама (как и к прочим своим литературным прототипам) роман Добычина выступает как метатекст, оценивающий, синтезирующий и преодолевающий чужой художественный опыт».

Приложение

Исправленные редакции опубликованных статей

1. Николай Бердяев

Николай Александрович Бердяев (18.3.1874, Киев – 24.3.1948, Кламар, под Парижем) – философ, представитель персонализма, один из предшественников экзистенциализма. В своих взглядах на сущность и роль искусства был близок философской и художественной позиции символизма, что нашло прямое отражение в его общении с наиболее видными представителями этого течения. Один из основателей Религиозно-философского общества и предполагаемый первый председатель (избрание не состоялось из-за отъезда Бердяева из Петербурга в 1907 году), в дальнейшем входил

⁵² *Харджиев Н.И.* Примечания. С. 316.

в число самых активных его участников⁵³. В начале 1910-х годов вошел в ближайшее окружение издательства «Путь», ориентированного на позиции «неославянофильства», выступив активным противником группы философов-«неозападников», чьи неокантианские взгляды отражали издательство «Мусaget» и журнал «Логос»⁵⁴. В 1918–1922 годах формально пребывал в должности вице-председателя Всероссийского союза писателей, фактически являясь его руководителем⁵⁵. Осенью 1922 года Бердяев в группе философов был выслан из СССР за границу.

Упоминания личности этого современника и его философских воззрений в биографии О.М. отсутствуют, не отражены они и в его художественном мире, но трудно предположить, чтобы ему была близка культурологическая концепция Бердяева, полностью ориентированная на религиозное начало⁵⁶. Неизвестны и прямые свидетельства факта личного знакомства поэта и философа; мемуарно отражен лишь единичный случай их общения: по воспоминаниям Н.Я. Мандельштам, весной 1922 года, не позднее 14 мая⁵⁷, О.М. пытался добиться у Бердяева выделения для В. Хлебникова в «Доме Герцена» комнаты, однако тот, несмотря на исключительную мандельштамовскую настойчивость, остался к этой просьбе безучастным⁵⁸. Можно лишь предполагать, что в 1919–1922 годах О.М. во время своих эпизодических визитов

⁵³ См.: Именной указатель // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост. и подгот. текста О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева и Л.В. Хачатурян. – М.: Русский путь, 2009. С. 619.

⁵⁴ См., напр.: *Безродный М.В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биограф. альм. Вып. 1. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992.

⁵⁵ См., напр.: *Поливанов М. К.* Примечания // *Мандельштам Н.* Вторая книга. – М.: Московский рабочий, 1990. С. 512.

⁵⁶ В частности, вряд ли О.М. мог не знать о бердяевских выступлениях в Религиозно-философском обществе с докладами «Христос и мир: Ответ В. В. Розанову» (12.12.1907), «Опыт философского оправдания христианства. О книге В. И. Несмелова “Наука о человеке”» (24.2.1909), «О христианской свободе» (28.3.1910), «Утонченная Фиваида (Религиозная драма Гюйсманса)» (29.3.1910) и о его регулярном участии в обсуждении выступлений других участников собраний; см.: Краткие сведения об участниках заседаний Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде): Аннотированный список / Сост. С.М. Половинкин // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост. и подгот. текста О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева и Л.В. Хачатурян. – М.: Русский путь, 2009. С. 568.

⁵⁷ См.: *Видгоф Л.М.* «Но люблю мою курву-Москву»: Осип Мандельштам: поэт и город. – М.: Астрель, 2012. С. 610, запись № 57.

⁵⁸ См.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 116–117; ср. иной вариант описания этого эпизода, без участия Бердяева: *Харджиев Н.* «В Хлебникове есть всё!» // Литературная газета. 1992. 1 июля. С. 6; по свидетельству мемуариста, андельштамовский рассказ состоялся 16.4.1934.

и последующего переезда в Москву бывал в организованной Бердяевым совместно с С.Л. Франком Вольной академии духовной культуры (1919–1922). Вместе с тем, в мемуарах Н.Я. Мандельштам содержится следующее свидетельство о периоде первой половины 1920-х годов: «До нас довольно рано дошел слух о том, как вырос в изгнании Бердяев. О.М. все спрашивал про него и пытался достать книги, но с каждым днем это становилось труднее и опаснее»⁵⁹; при этом сама она в мемуарной прозе обращалась к философско-религиозным взглядам Бердяева довольно часто, что, впрочем, не может являться косвенным отражением соответствующих мандельштамовских оценок.

Согласно широко распространенной среди исследователей точке зрения, в стихотворении «И поныне на Афоне...» (1915) выражено сочувственное мандельштамовское отношение к учению «имябожия» (имяславства), в первой половине 1910-х годов признанному Русской православной церковью еретическим и подавленному карательной экспедицией: *Всенародно, громогласно / Чернецы осуждены; / Но от ереси прекрасной / Мы спастись не должны (1, 113)*⁶⁰. Данный факт вызвал широкий общественный резонанс, что отразилось в ряде публикаций, в том числе и в статье Бердяева «Гасители духа» (Русская молва. 1913. 5 авг. С. 2–3)⁶¹. К

⁵⁹ Мандельштам Н. Воспоминания // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – ГОНЗО, Екатеринбург, 2014. С. 330

⁶⁰ Библиографию публикаций об этом тексте см. в: Лекманов О.А., Глуховская Е.А., Чабан А.А. Комментарий // Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М.: Рутения, 2017. С. 357.

⁶¹ См.: Мец А.Г. Комментарий // Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 308. Дополнительные семантические коннотации возникают в данном контексте вследствие его определенной «символистской» ориентации: «Афонские события вызвали широкий отклик среди деятелей культуры, причем особое внимание уделили этому вопросу авторы близкие к художественным кругам и проблемам символизма – Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Владимир Эрн, Сергей Аскольдов и другие, у которых имяславие вызвало активное сочувствие. Для современников вопрос о сущности божественного имени представлял прямую аналогию вопросу о природе поэтического слова, поставленному культурой символизма. Следует отметить, что не только общая идея магии слова, но и тема “Иисусовой молитвы” как метафоры поэзии возникла у символистов еще до начала движения имяславцев. <...> Споры вокруг имяславия (их кульминация пришлась на 1912–1913 гг.) разгорелись в русской печати в годы кризиса символизма и развития новых художественных концепций и направлений, прежде всего – акмеизма». Соответственно, события, происходившие в церковной, богословской и философской среде, неизбежно должны были опосредованно проецироваться на сферу современной литературы: «В контексте богословских споров того времени диалог между символистами и Мандельштамом параллелен диалогу между имяславцами и

числу более гипотетических можно отнести предположение о том, что среди источников, повлиявших на формирование мандельштамовской концепции искусства А.Н. Скрябина, были и труды Бердяева⁶². Комментаторами отмечались и некоторые более общие параллели в мировоззрении двух современников.

2. Иммануил Кант

Кант (Kant) Иммануил (22.4.1724, Кёнигсберг, Германия – 12.2.1804, там же), немецкий философ, родоначальник классической немецкой философской науки, внесший существенный вклад в логику, математику, астрономию, естествознание, этику, эстетику. Основу философского мировоззрения Канта, изложенного в его главных трактатах «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790), составляет учение о явлениях и вещах как они существуют сами по себе, – «вещах в себе».

Время и место первого обращения О.М. к сочинениям Канта неизвестно⁶³; общее представление о философской системе немецкого мыслителя он мог получить во время обучения в Гейдельбергском университете (1909–1910), являвшимся одним из центров неокантианства. Возможно, он посещал лекции философов-неокантианцев фрайбургской (баденской) школы В. Виндельбанда и Э. Ласка, посвященные истории философии и, в частности, учению Канта. По воспоминаниям А.З. Штейнберга (который сам в этот период активно занимался изучением кантовского наследия),

их православными противниками об «Иисусовой молитве» и имени «Иисус». Иисусова молитва стала моделью для уяснения вопроса о соотношении между субъектом и объектом в слове; божественное имя – моделью структуры знака. <...> – Прямая и очевидная отсылка к афонской ереси появляется у Мандельштама в стихотворении 1915 года «И поныне на Афоне» (*Паперно И.* О природе поэтического слова: Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 30–31.

⁶² См.: *Мец А.Г.* Комментарий. С. 67–69.

⁶³ Георгий Иванов в своих «художественных мемуарах» «Петербургские зимы» без каких либо оснований метафорически относит данный факт к подростковому периоду жизни поэта и связывает его с творческим началом: «Худой, смуглый, некрасивый подросток <...> читает у себя в комнате “Критику чистого разума”. Трудно читать. <...> – “Головой” – трудно еще уследить за Кантом, но уже все существо впитывает, как воздух, его “чудный холод”. В голове шумок тоже “чудный”: самое сладкое читать так – не умом, предчувствием... <...> – В голове туман. Кант... Музыка... Жизнь... Смерть... Сердце начинает стучать... Губы начинают шевелиться» (*Иванов Г.* Петербургские зимы [1928] // *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда, коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. – М.: Согласие, 1993. С. 85–86).

зафиксированным К. Брауном⁶⁴, курс Виндельбанда о Канте не заинтересовал О.М.; присутствовал ли он на заявленном на зимний семестр курсе лекций Ласка «История новейшей философии до Канта включительно», с уверенностью утверждать невозможно⁶⁵. Тем не менее, кажется вполне допустимым предполагать, что в круг философских знаний О.М. входили не столько воззрения самого Канта, сколько их развитие и преломление в немецком неокантианстве, интерес к которому, очевидно, проявлял и С.П. Каблуков; так, 21.11.1910 он записал в своем дневнике: «Сегодня вечером до 1 часу пополуночи я был у Вяч.Ив. Иванова. Много говорили <...> о значении неокантианства, о символизме. <...> Был разговор и о И.Э. Мандельштаме, которого В.И. ценит»⁶⁶. Одновременно с этим, имя Канта и обращение к его трудам постоянно присутствовало в докладах и дискуссиях в Религиозно-философском обществе (см.: Именной указатель // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. В 3 т. Т. 3: 1914–1917 / Сост. и подгот. текста О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева и Л.В. Хачатурян. – М., 2009. С.628), мандельштамовский интерес к деятельности которого, вероятно, значительно возрос под прямым влиянием Каблукова.

Дальнейшее знакомство О.М. с философией Канта могло происходить во время его обучения в Санкт-Петербургском университете, где преподавал один из наиболее известных российских философов-неокантианцев магистр философии проф. А.И. Введенский: весной 1912 и весной 1914 года О.М., очевидно, прослушал курсы его лекций по истории древней философии⁶⁷. О философских «координатах» студенческих настроений середины 1910-х годов свидетельствуют воспоминания Ю.Г. Оксмана: «Лекции и книги проф. А.И. Введенского проповедовали неокантианство, а потому почти все студенты-филологи были яростными противниками вульгарного материализма <...>. Историю новой философии мы знали по Виндельбанду»⁶⁸. Другим

⁶⁴ См.: *Brown C. Mandelstam*. – L.; N.Y.; Melbourne: Cambridge University Press, 1973. P. 46.

⁶⁵ См.: *Нерлер П.М.* «На западе, у чуждого семейства...»: семестр в Гейдельберге // *Нерлер П. Согамог: Этюды о Мандельштаме*. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 302, 304.

⁶⁶ О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова / Подгот. текста и прим. А.Г. Меца // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 243.

⁶⁷ См.: *Сальман М.Г.* Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *Russian Literature*. 2010. Vol. LXVIII. № 3–4. С. 456, 465.

⁶⁸ Цит. по: *Чудакова М.О., Тоддес Е.А.* Тынянов в воспоминаниях современника (Сообщение) // *Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения*. – Рига: Зинатне, 1985. С. 93. Эти же имена были

заметным представителем неокантианства, с которым О.М. общался неоднократно, был И.И. Лапшин – приват-доцент, а затем профессор кафедры философии: как следует из зачетной книжки, О.М. сдавал ему экзамены по логике (5.9.1913), введению в философию (24.4.1914) и древней философии (7.9.1916)⁶⁹. Возможно, учение Канта каким-то образом входило в круг акмеистических тем середины 1910-х годов – позднее Вас.В. Гиппиуса вспоминал: «Новой школы из акмеизма не родилось потому, что школы творятся только мировоззрениями <...>, акмеисты не знали, куда пристать (искренние старания Гумилева насадить нечто вроде нового кантианства не привели ни к чему)»⁷⁰.

В целом, говорить о безусловном приятии О.М. философии Канта, очевидно, нельзя, – Н.Я. Мандельштам оставило такое свидетельство, относящееся к началу 1930-х годов: «С германской философией явно не ладилось: однажды купил томик Канта, понюхал, сказал: “Наденька, это не для нас” – и закинул за книги, чтобы не соблазняться»⁷¹. Прямые текстуальные отражения кантовского учения у О.М. не встречаются, их присутствие представлено, как правило, в метафорической форме. Так, в акмеистическом манифесте О.М. «Утро акмеизма» (1912; или 1913, или 1914) появляется образ *мировой клетки, которую с помощью своих категорий построил Кант (1, 179)*. Подтверждение высокой оценки личности и философии Канта – включение его имени в предельно значимый для О.М. ценностный ряд в статье «Пшеница человеческая» (1922), где упоминается историческая (т.е. европейская) земля, *несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гете (2, 251)*. Отражением влияния кантовского учения можно, вероятно, считать соположение его имени с категорией времени, присутствующее во фрагментах ранней статьи <<Скрябин и христианство>> (1917): *христианская вечность – это кантовская категория, рассеченная мечом серафима (1, 205)*, – и повторяющееся в «Разговоре о Данте» (1933) при характеристике одной из песен дантовской «Божественной комедии»: *временные глагольные формы*

соединены О.М. в письме матери из Коктебеля 20.7.1916 в связи с предстоящей сдачей экзамена: *Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского (4, 24)*.

⁶⁹ См.: Сальман М.Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете. С. 468.

⁷⁰ Цит. по: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 33.

⁷¹ Мандельштам Н. Воспоминания // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 330.

изготавливал для десятой песни в Кенигсберге сам Иммануил Кант (3, 402). Возможно, в художественном мире О.М. зафиксированы следы знакомства с космологической гипотезой Канта, изложенной им в сочинении «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755) и ставшей одной из основ современного научного представления о пространстве. Согласно этой концепции, образование планетной системы происходило из рассеянной материи благодаря вращательному движению пылевого облака вокруг Солнца. Представляется вполне оправданным сопоставление с данной моделью описания итальянских городов в «Разговоре о Данте»: *Кольца ада не что иное, как сатурновы круги эмиграции. <...> Пиза, Флоренция, Лукка, Верона – эти милые гражданские планеты – вытянуты в чудовищные кольца, растянуты в пояса, возвращены в туманное, газообразное состояние* (3, 250); как случай возможного метафорического перенесения этой концепции на атомарный уровень может рассматриваться характеристика японской танки в статье «Девятнадцатый век» (1922): *Она <...> есть сама мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри атома* (2, 269).

По предположению Е. Павлова, в относящемся к раннему периоду стихотворении «Не говорите мне о вечности...» (1909) отражены следы мандельштамовского знакомства с кантовской «Критикой способности суждения»⁷². С присутствующим в этом сочинении фрагменте о соловьином пении, по мнению В.Б. Микушевича, связано формирование в художественном мире О.М. образа бога Нахтигаль⁷³.

3. Рига*

Rīga – столица Республики Латвии, находящаяся на берегах реки Даугавы (Западная Двина), у места ее впадения в Рижский залив Балтийского моря. Согласно археологическим данным, Рига возникла на месте древнего торгового поселения прибалтийских народностей при впадении в Даугаву реки Риги (в настоящее время не

* Прембула заметки, безусловно, превосходит допустимый изданием объем, но поскольку она посвящена непосредственно городу, в ней приводятся сведения, в настоящее время не имеющие широкой известности, но, возможно, актуальные для О.М.

⁷² См.: Павлов Е. «...Тем звучащим слепком формы...»: опыт Мандельштама // Новое литературное обозрение. 2003. №. 63.

⁷³ См.: Микушевич В. Бог Нахтигаль (Эстетика Канта и Шиллера в стихотворении Осипа Мандельштама «К немецкой речи») // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 391–392.

существующей), что дало городу его название. Обнаруженные следы поселений относятся к X–XI векам; в письменных источниках Рига впервые упомянута в 1198 году, как город – в 1201. В начале XIII века немецкие крестоносцы превратили Ригу в крепость и сделали ее своим форпостом в Восточной Европе. Исторически для Риги была свойственна динамичная этнокультурная трансформация: в XIII–XVI веках она была подчинена Рижскому архиепископству; с начала XIV века входила в Ганзу, до 1561 находилась в составе Ливонского ордена, с 1561 стала вольным городом, в 1581 перешла под власть Речи Посполитой, в 1621 была завоевана шведами. Во время Северной войны 1700–1721 годов город стал центром Рижской, а затем Лифляндской губернии. В конце 19 – начале 20 веков Рига получила статус одного из крупнейших промышленных центров Российской империи. В 1919–1940 годах – столица буржуазной Латвии.

О.М. был прямо связан с Ригой биографически – там жили его ближайшие родственники; Е.Э. Мандельштам позднее вспоминал: «в школьные годы мать неоднократно вывозила нас, ребят, в Ригу, на “шtrand” в Майоренгоф (Майори) и в другие места побережья. В Риге мы виделись с родителями отца. Жил там и его брат Герман, занимавшийся коммерцией. <...> Нас привлекало взморье с его бесконечным песчаным пляжем, поросшими соснами дюнами»⁷⁴. Вероятно, «индивидуальный», личностно-биографический ореол окружал этот город в мандельштамовской семье; Н.Я. Мандельштам с иронией вспоминала, что отец поэта сожалел о самостоятельной женитьбе сына: по ее словам, Э.В. Мандельштам «поехал бы с ним в Ригу и подобрал бы там настоящую жену»⁷⁵. В мандельштамовских письмах к ней середины 1920-х годов нашло фактическое отражение желание его отца переехать (то есть, по сути, эмигрировать) в Ригу; 28.2.1926 О.М. сообщил: *Папу серьезно зовут в Ригу. Виза и проезд теперь необычайно доступны и дешевы. Мы решили обязательно его весной отправить (4, 71)*, – а уже 5.3.1926 констатировал: *Деда вполне здоров. Снялся. Взял «анкету». Собирается в Ригу (4, 74)*; 10.3.1926 он конкретизировал происходящее: *Сегодня я писал деде анкету в Ригу (4, 77)*; по неизвестным причинам переезд не состоялся. Н.Я. Мандельштам оставила мемуарное описание визита в 1932 году в

⁷⁴ Мандельштам Е. Э. Воспоминания / Публ. Е.П. Зенкевич, пред. А.Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. С. 126.

⁷⁵ Мандельштам Н. Вторая книга // Мандельштам Н. Собр. соч: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.И. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.И. Фрейдина, комм. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 508.

Москву мандельштамовского двоюродного брата – рижского адвоката Б.Г. Мандельштама – и иронической реакции О.М. на его опыт освоения советской действительности⁷⁶.

С фактом проживания в Риге мандельштамовских родственников связан еще один биографический эпизод, оставляющий ощущение околотературной мистификации. Как известно со слов В.Б. Шкловского⁷⁷, 27.11.1913 в литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака» у О.М. произошел серьезный конфликт с В. Хлебниковым, финальная часть которого, по версии Н.И. Харджиева, «озадачила всех своей неожиданностью», поскольку Хлебников заявил, что О.М. «нужно отправить обратно к дяде в Ригу... – Привожу устный комментарий Мандельштама: – Это было поразительно, потому что в Риге действительно жили два моих дяди. Об этом ни Хлебников, ни кто-либо другой знать не могли. <...> Хлебников угадал это только силой ненависти»⁷⁸.

Образ Риги опосредованно присутствует и в собственно художественной составляющей мандельштамовского мира, ее упоминания встречаются в «Шуме времени» (1923–1924) и приходятся на детские впечатления. Первая реакция О.М. была глубоко отрицательной: *Когда меня везли в город Ригу, к рижским дедушке и бабушке, я сопротивлялся и чуть не плакал. Мне казалось, что меня везут на родину непонятной отцовской философии. <...> Невеселыми казались мне сборы на Рижское взморье (2, 362)*. Как следствие, и первая реакция на посещение этого города была окрашена в соответствующие тона: *До сих пор помню, как меня обдало <...> приторным еврейским запахом в деревянном доме на Ключевой улице, в немецкой Риге, у дедушки и бабушки (2, 354)*. Можно только предполагать, что воспоминания О.М. о культурно-историческом и архитектурном облике Риги прямо или ассоциативно связаны с формированием в его художественном сознании категории готики и, в частности, нашли соответствующее отображение в радиокомпозиции «Юность Гете» (1935).

Литература: *Тименчик Р.* Мандельштам и Латвия // Даугава. 1988. № 2; *Он же.* Дядя из Риги, или К анатомии литературной шутки // Даугава. 1995. № 6;

⁷⁶ См.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 511–512.

⁷⁷ См.: *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1983. – Л.: Наука, 1985 С. 217.

⁷⁸ *Харджиев Н.* «В Хлебникове есть всё!» // Литературная газета. 1992. 1 июля. С. 6; см. также: *Тименчик Р.* Дядя из Риги, или К анатомии литературной шутки // Даугава. 1995. № 6. С. 126–127. – Еще один «литературный» контекст можно предположить в связи с мандельштамовским общением с И.А. Одоевцевой – уроженкой Риги.

Мандельштам Е.Э. Воспоминания / Публ. Е. П. Зенкевич, пред. А.Г. Меца // НМ. 1995.
№ 10. С. 126–127.